

18+

роман
РОБИН КАЭРИ

КУПИДОН И ТЩЕТНЫЕ ТЕРЗАНИЯ ЛЮБВИ

ЧАС КУПИДОНА. ЧАСТЬ II

Робин Каэри

**Час Купидона. Часть II. Купидон
и тщетные терзания любви**

«Издательские решения»

Каэри Р.

Час Купидона. Часть II. Купидон и тщетные терзания любви /
Р. Каэри — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-590810-0

Эта история всколыхнула королевский двор в апреле 1654 года, оставив золотой след на заре эпохи Короля-Солнца. Загадка Часа Купидона разгадана, но так ли это? В Лувре далеко не всё явное есть настоящее, за блеском парадных галерей и под пылью старинных гобеленов скрывается множество тайн и секретов. Час Купидона, так что же это на самом деле — шуточный розыгрыш или мистика? Вторая часть романа «Час Купидона».

ISBN 978-5-00-590810-0

© Каэри Р.
© Издательские решения

Содержание

Час Купидона. II часть. Купидон и тщетные терзания любви	6
Пролог. Часть 1. Остановить само время	6
Пролог. Часть 2. История о «Песке времени»	11
Пролог. Часть 3. Ювелир из Марэ	17
Пролог. Часть 4. Восточные сказки	25
Глава 1. Записка от короля	32
Глава 2. Вечер в отеле Бельер	35
Глава 3. Заручиться помощью крёстной	41
Глава 4. Урок танца у маэстро	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Час Купидона. Часть II. Купидон и тщетные терзания любви

Робин Каэри

Dominique Leostelle *Дизайнер обложки*

© Робин Каэри, 2024

© Dominique Leostelle, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0059-0810-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0059-0809-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Час Купидона. II часть. Купидон и тщетные терзания любви

Пролог. Часть 1. Остановить само время Утро. Середина февраля (за полтора месяца до основных событий) Лувр Приёмная королевы

Нет ничего забавного или интересного в несении почётного караула, и никогда не было. Уже во время несения второго караула, когда ему пришлось выстоять с трёх часов ночи до раннего утра в пустой приёмной королевы, Франсуа понял, что эта служба была смертельно опасна для него. И вовсе не из-за риска получить пулю, охраняя честь и жизнь королевы и дам её свиты, а из-за скуки, которая превосходила всё, что ему довелось претерпеть в течение утомительно долгих, нудных лекций за компанию с Людовиком и Филиппом, а потом, вместе с другими пажами, в учебные часы. За три месяца, которые прошли с тех пор, как его приняли в Королевский Корпус Пажей, он успел усвоить кое-какие премудрости по части того, как с пользой или хотя бы нескучно провести время в карауле. И одним из таких фокусов были загадки. Поскольку в караулы их обычно ставили парами, а то и по три пажа, а случалось, что и по четыре, то играть можно было всем по очереди. Ведущий загадывал про себя кого-нибудь из придворных, а остальные его товарищи по несчастью должны были задавать ему наводящие вопросы о характере или внешнем облике этой персоны, чтобы можно было догадаться по ответам о том, кто это был. Ответы могли быть строго положительные или отрицательные, и правдивые – безусловно.

Однако даже такое развлечение очень скоро могло наскучить юным умам, особенно же когда караул длился более двух часов – как это было в ночные и утренние смены. Умственные разминки успешно разнообразились физическими упражнениями, и вскоре пажи начали коротать томительные от скуки часы несения караула за игрой в шарики. Особенно часто им удавалось играть во время ночных дежурств, когда было гораздо меньше риска, что кто-то из придворных свиты её величества, дворцовой прислуги или гвардейцев застанет их за неподобающим на службе занятием, ненароком проходя мимо приёмной королевы.

А вот самые трудные часы несения караула приходились на раннее утро, когда после короткого полуночного сна, который удавалось перехватить до подъема к смене караула в два часа ночи, смертельно хотелось спать, и усталость буквально валила с ног. Главная трудность состояла не в том, что в утренние часы, стоя на посту в приёмной королевы, нельзя было ни поговорить, ни сыграть партию-другую в шарики, ни даже пройти по залу, чтобы размяться. Огромный зал пустовал до восьми утра, то есть до времени официального подъёма самой королевы. Но около шести часов со стороны Большой галереи через этот зал проходил отряд швейцарской гвардии для смены караула на постах в галереях и залах, прилегавших к покоям королевы. А после шести через зал пробегали камеристки и горничные, которые прислуживали королеве и дамам из её свиты. Они сновали от одной двери к другой, перебегая между покоями знатных дам и служебными комнатами: кто с кувшином горячей воды; кто с раскалёнными щипцами для волос; кто с дымящимся прессом для глажки белья. Пажам, стоявшим в карауле, приходилось зорко следить за тем, чтобы ни одна из этих сонных недотёп не потеряла на ходу что-нибудь ценное, или хуже того – горячее или кипящее из своей ноши. А иной раз им даже приходилось покинуть свой пост, чтобы помочь донести особенно целую кипу выстиранных простыней и рубашек или тяжеленный пресс для глажки белья, да ещё и с тлеющими углями

внутри. И вся эта суета нарастала по мере того, как время близилось к девяти часам утра. Так что пажам предутренней и утренней смены караула редко удавалось поймать даже полчаса спокойствия и тишины до девяти утра, когда все придворные и прислуга собирались на утреннюю мессу в дворцовой часовне.

– Пост!

Франсуа вздрогнул и тут же густо покраснел, пойманный на очередной и, к несчастью, провалившейся попытке перебороть дремоту. Он сонно поморгал и потёр лицо ладонью, старательно прикрывая широкий зевок.

– Эй, господа пажи!

Голос настойчиво звал их, не оставляя шансов на то, чтобы спокойно подремать в оставшееся время до тех пор пока их не сменят на посту.

– Так, месье паж! Спите на посту, значит? – чей-то насмешливый голос раздался так близко от него, что Франсуа даже почувствовал лёгкий запах цитруса и кожи, донёсшийся от говорившего с ним человека. Он уже слышал этот аромат, такой необычный и странный. Он был терпким и запоминающимся.

– Месье! – маркиз щёлкнул каблуками и вытянулся в струнку. Только потом он окинул взглядом все стороны зала, насколько это позволяло открытое пространство, чтобы не вертеть головой.

– Да здесь я! Вот уже несколько минут как сижу тут, – на этот раз голос раздался настолько же явно и близко, что Франсуа даже подпрыгнул от неожиданности и отступил влево, спустившись на нижнюю ступеньку постамента трона.

Справа от него в одном из больших кресел, стоявших на постаменте, в том, что с высокой спинкой, украшенной резной королевской лилией, сидел молодой человек. Он был одет в костюм простого кроя – не слишком скромный, непохожий на лакейскую ливрею, но и не такой броский, как у большинства придворных. Блестящие чёрные кудри слегка подрагивали, когда он, смеясь, наклонил голову набок, наблюдая за Виллеруа.

– Сударь! Я требую, чтобы вы немедленно встали! Это кресло короля! – потребовал Франсуа и для пущей убедительности в том, что намерения его были самыми решительными и серьёзными, положил руку на рукоять длинной церемониальной шпаги.

– Много шума. Да только будет ли толк от этой реликвии? – дерзко хохотнул незнакомец и чуть-чуть приподнялся в кресле – ровно настолько, чтобы взглянуть в лицо смелого пажа.

– Сударь! Немедленно покиньте приёмную её величества! – выкрикнул второй караульный – виконт Луи де Паруа, которого выдернули из дремоты насмешливый голос незнакомца и грозный окрик маркиза.

– А то что? – насмешливым тоном спросил наглец и вызывающе смерил обоих пажей долгим взглядом. – Ну ладно, ладно! Нечего так кричать на меня. Я – Стефано, личный секретарь Его высокопреосвященства кардинала Мазарини.

– Как? Его высокопреосвященство уже здесь? – почти в унисон воскликнули оба пажа и тут же, забыв о вторжении на территорию, вверенную их охране, вытянулись в струнку и замерли. Одного имени кардинала было достаточно, чтобы оба они забыли о нарушителе придворного этикета, все разногласия между собой, а, главное, успешно распрощались с остатком одолевавшей их дремоты.

– Так-то лучше, господа, – усмехнулся секретарь кардинала и, демонстративно потягиваясь, вытянул руки в стороны. – Следите в оба! Особенно вы, маркиз.

Франсуа нахмурился, приняв это предостережение как вызов себе. Он отставил правую ногу и картинно упёр левую руку в бок.

– А то что?

– Кардинал будет здесь с минуты на минуту. И не только он. Герцог де Невиль просил об аудиенции у королевы. Представьте, что вас застигнет врасплох сам герцог! Будет не до смеха, а?

– Так рано? – удивился Франсуа и, забыв про горделивую осанку, всем корпусом повернулся к Стефано. Он прекрасно знал распорядок дня всех членов королевской семьи и даже всех их приближённых, и уж тем более своего отца, герцога де Невилья.

– У господина кардинала есть любимая поговорка – «Кто рано встаёт, тому бог подаёт», – с этими словами Стефано поднялся с королевского кресла и ещё раз потянулся. – Будет неприятно, если главной темой встречи герцога с кардиналом и королевой будет не государственные дела, – он сделал многозначительную паузу, глядя в насупленное лицо маркиза. – А, скажем: «Упадок воспитания молодёжи». Это скучно. Смертельно скучно, господа.

– Уж вам-то не доведётся слышать это, сударь, – твёрдо и с полной уверенностью заявил Паруа.

– Ха! – Стефано только мельком посмотрел в его сторону и с усмешкой возвёл глаза к воображаемым небесам. – Придётся. Как и всегда. Мне ещё и записывать всё, о чём там будут говорить, приказано. Так что, без всяких сомнений, мне придётся слушать всё. От и до.

Топот бегущих ног, цоканье подкованных каблуков, звон шпор и бряцанье амуниции, громкие голоса, отдающие команды, раздались так близко, что на споры не оставалось ни минуты. Пажи заняли каждый своё место по обеим сторонам постаamenta трона и вытянулись в струнку, а секретарь кардинала встал у парадных дверей в личные покои Анны Австрийской.

– Господа пажи! Смирно! – скомандовал сержант Дезуш, вошедший во главе отряда швейцарских гвардейцев.

Следом за ними на входе в приёмную показался Мазарини собственной персоной. Его лицо с утра имело особенно изжелта-бледный оттенок, а карие глаза из-за тёмно-фиолетовых кругов казались запавшими ещё глубже и страшно усталыми.

– Господа, я благодарю вас, – проговорил кардинал, учтиво принимая салют от пажей, стоявших в карауле, и сразу же прошёл в покои королевы.

Стефано скользнул в приоткрытую дверь вслед за патроном, а сержант Дезуш вместе во главе отряда Швейцарской гвардии остался ждать в приёмной.

Кардинал был не единственный, кто явился на приём к Анне Австрийской в столь неурочный час. Через пять минут после него в зале появился герцог де Невиль. Моложавое и всё ещё хранившее мужественную красоту лицо герцога цвело румянцем, а в голубых глазах блестели огоньки довольства и уверенности в себе. Франсуа с первого же взгляда, брошенного на отца, угадал в его лице знакомые с детских лет признаки грядущих так называемых «свершений», которые герцог готовился изложить королеве и кардиналу. Наверняка он ещё накануне вечером подготовил речь, а чтобы выглядеть убедительнее, то с утра выпил особый отвар из жареных кофейных зёрен – густой, страшно пахучий и чёрный как уголь.

– Господин сержант, вы и ваши люди свободны, – де Невиль обратил на Дезуша особый взгляд с высоты своего более чем высокого роста и особо важного положения, занимаемого при дворе – члена Королевского Совета. – Пажеского караула здесь будет вполне достаточно.

– Я подчиняюсь только приказам её величества, – отчеканил швейцарец, на что герцог ответил всего лишь нетерпеливым взмахом руки.

– Её величество поручила мне сделать всё, чтобы эта встреча осталась в полной тайне. Слышите, Дезуш, – в полной тайне! А как прикажете сохранить наш визит к ней в секрете, если у дверей в покои стоит половина роты Швейцарской гвардии?

Не имея никаких весомых аргументов против такого довода, Дезуш резким движением церемониального палаша отсалютовал герцогу и отдал гвардейцам приказ следовать за ним.

Герцог де Невиль даже не взглянул в сторону сына, который стоял слева от королевского трона и ближе к покоям королевы. Он сам отворил одну створку дверей и прошёл внутрь.

Оставленные в полном недоумении и предоставленные самим себе пажи весело переглянулись.

– Вот же! Чуть не попались, как петух в горшок с бульоном, – проговорил Паруа. – Хорошо ещё, что этот малый – секретарь кардинала – разбудил нас! Теперь, пока они там будут обсуждать свои государственные дела, мы можем немного вздремнуть.

– Не выйдет. Вдруг они выйдут? – у Франсуа даже щёки и шея загорелись как маков цвет при мысли, а что, если его почтенный батюшка герцог де Невиль, застанет его спящим на посту?

– Ну, вы тогда и следите. Я просто присяду на ступеньках, – Паруа даже не стал дожидаться ответа, а тут же устроился на верхних ступеньках и опёрся спиной о ножку кресла королевы.

Эта ситуация всё меньше нравилась Франсуа. Но куда меньше ему хотелось продолжать топтаться на одном месте и сражаться с вернувшейся дремотой. Прыжки на одной ноге помогли ему взбодриться, но всего лишь на несколько минут. Дождаться смены караула предстояло ещё целый час.

Не в силах выдержать пытку наступавшей дремоты, маркиз сделал шаг вниз по ступенькам. А потом и ещё один. И вот он уже стоял на блестящем паркетном полу. Скользко – ведь на днях слуги натирали воском полы во всех залах и галереях в покоях королевы. Шаг и ещё один, и вот уже подошвы новеньких ботфорт легко и быстро заскользили по навощенному паркету. Прокатившись на несколько шагов вперёд и назад возле постамента трона, Франсуа неожиданно для себя оказался слишком близко к дверям покоев королевы.

Министр и маршал так громко спорили между собой, что их голоса доносились из-за закрытых дверей кабинета Анны Австрийской и при этом звучали столь же отчётливо, как если бы оба они стояли прямо на пороге приёмной.

– Но время, мой дорогой маршал! Время, которого у нас практически нет в распоряжении! – возражал кардинал в ответ на какое-то предложение де Невилья.

– Вы ошибаетесь! У нас в запасе предостаточно времени, Ваше высокопреосвященство, – в тон ему отвечал герцог, и при этом Франсуа почувствовал, как в груди пробежала волна непонятных чувств, и внезапно сделалось невыносимо жарко. Ему даже потребовалось ослабить бант на шарфе, чтобы стало легче дышать. Что бы ни предлагал королеве и кардиналу его отец, Франсуа твёрдо верил в его успех. Да и не могло быть иначе – ведь де Невили всегда добивались своей цели, как любил повторять его отец.

– Да если мне и в самом деле понадобится лишнее время, то я остановлю его, Ваше величество! – восклицал герцог.

– Да полноте, дорогой де Невиль! Этого не потребуется, – мягкий голос Анны Австрийской, видимо, примирил споривших мужчин, так как оба умолкли и не возражали ей. – И всё-таки, если бы действительно можно было остановить время хоть ненадолго, – проговорила она уже тише. – Я бы всё отдала за это.

– Если мне понадобится для этого остановить все дворцовые часы – я с готовностью сделаю это, Ваше величество! – бравурный тон не оставлял никаких сомнений в душе юного маркиза, что его отец был полон решимости сдержать слово, данное королеве.

– Ну что же, я больше не задерживаю вас, господа! – сказала Анна Австрийская, и для маркиза это послужило сигналом того, что пора было бегом вернуться на свой пост.

– Паруа! – выкрикнул он, перескакивая вверх по ступенькам постамента. – Паруа, подъём!

Второй паж едва успел подняться на ноги, когда двери распахнулись и из покоев королевы вышли Мазарини и герцог де Невиль, а следом за ними и секретарь кардинала.

– И всё-таки, мой дорогой маршал, я прошу вас здраво взглянуть на ситуацию. Нам не следует пренебрегать важностью момента и времени в целом, – напутствовал его кардинал, прежде чем отправиться в сторону Министерского крыла дворца.

– Вы можете быть совершенно уверены в моих прогнозах, Ваше высокопреосвященство. Да, я заставлю время остановиться ради достижения этой цели! Или лучше – время остановится само!

Франсуа с мальчишеским обожанием во все глаза смотрел на отца, который внезапно вырос в воображении аж до уровня древнегреческих героев, дерзнувших бросить вызов самим богам.

– Берегитесь, мой дорогой маршал, – в голосе кардинала прозвучали пророческие нотки, что задело юного маркиза за живое: как мог господин кардинал не верить слову, которое дал его отец? Ведь герцог де Невиль был настолько уважаемым человеком, что именно ему, а не кому-нибудь было поручено возглавить коллегия из самых образованных людей во Франции – воспитателей и учителей короля.

– У вас всё непременно получится, – прошептал Франсуа, когда кардинал и королевский воспитатель скрылись из виду, выйдя из приёмной один в Большую галерею, а другой – в сторону Министерского крыла.

Маркиз не знал ещё, как ему это удастся, но он был полон решимости помочь отцу справиться с возложенной на него задачей. Даже если для этого действительно потребовалось бы остановить само время!

Из открытого окна слышался бой колокола на башне дворцовой часовни: девять часов – смена караула!

Пролог. Часть 2. История о «Песке времени» Полночь. Середина февраля (за полтора месяца до основных событий) Тюильри. Большой зал

- Тихо вы! Если мы будем шуметь, то нас выставят вон.
- Да ладно. Никто ведь и не услышит. Во всём Тюильри обитателей всего человек десять наберётся.
- Да, да! И все спят в одном зале, чтобы на дровах экономить.
- Молчали бы, д'Орней! У вас в провинции понятия не имеют, что такое зал.
- Шевалье! Вы забываетесь!
- Тише! Успокойтесь, господа!
- Эй, кто-нибудь! Подставляйте блюдо – колбаски уже готовы! Где хлеб? И что там с вином – разогрели уже?

Пажи, собравшиеся в тесный кружок возле огромного камина, были заняты приготовлением нехитрого ужина после целого вечера работ в Большом зале дворца Тюильри. В течение нескольких часов они были заняты тем, что поменяли старые, полинявшие от времени и солнечного света, гардины, принесли и расставили невероятное количество стульев, табуретов и скамей для зрителей, а, кроме того, начистили до зеркального блеска паркетные полы. Такое необычное для воспитанников Королевского Корпуса Пажей времяпровождение было вменено им в качестве штрафного наказания за проступок, но, кроме того, оно было обусловлено и тем, что всё должно было сохраняться в строжайшей тайне. Никто, кроме пажей и за пределами самого Тюильри, не должен был знать, что у вдовствующей королевы Генриетты не было ни средств, ни расторопных помощников для приготовлений к музыкальному концерту с участием юной принцессы Генриетты Стюарт. Пажи были только рады этому неожиданному подарку судьбы, так как все, кто попал в Тюильри в тот день, были освобождены от несения караульной службы в Лувре в течение всего вечера и последующей ночи. А кроме того, из дворцового буфета в Лувре им доставили огромные корзинки с провизией и разрешили самим устроить маленькое ночное пиршество из колбас, окороков, холодного заливного, паштетов и сыров, с невероятным количеством булочек и хлебцев. А с подачи папаши Лебодуэна, им перепала и целая корзинка с вином для подогрева со специями – особое угощение в обмен на деликатное молчание о причинах этого внезапного пиршества.

– Вот что я скажу вам, господа, – заговорил виконт де Кревье, со знанием дела вытирая пыль и срезая воск с горлышка одной из бутылок, прежде чем откупорить её. – Там, где подают отменное вино, – не всё ли равно ночуют хозяева в общем зале с прислугой или в отдельных покоях? Вино – вот мерило подлинного вкуса.

– Успеха может быть? – поправил его другой паж и показал на бутылку. – Или достатка. Вкусы-то разные.

– Ошибаетесь, господа! – вступил в разговор Гастон де Лоран и картинно подбоченился, опершись о резную колонну, украшавшую стену возле камина. – Вино здесь ни при чем. Его доставили из Лувра. Как и всё, что принесли в этих корзинах.

– А что, Лоран, – тут же поддел его один из тех пажей, кто держал наготове глиняную посудину для подогрева вина. – А вот сколько бутылок этого вина поставляют в ваш особняк на улице какой-то там возле ворот Сент-Оноре да напрямиком из Лувра? А?

– То-то же! – подхватил эти слова откупоривший бутылку виконт де Кревье. – Вот и я говорю: вино может сказать о хозяевах больше, чем место, где они спят.

– Только не те, с кем они спят! – хохотнул кто-то у него за спиной. Де Кревье обернулся и смерил смельчака гневным взором с головы до пят.

– Эй! Попридержите языки, господа! Вы говорите о королеве, между прочим. И к тому же, о родной тётке нашего короля. Пусть она и в изгнании, но остаётся королевой Англии, – осадил весельчаков д'Орней и взял откупоренную бутылку из рук де Кревье.

– И дочерью короля Генриха Четвёртого, и сестрой короля Людовика Тринадцатого, – суровым тоном высказался тот.

– Да, да! Де Кревье, вы правы. Но не принимайте так близко к сердцу, – примирительным тоном ответил ему д'Орней. – Право слово, мы все здесь прекрасно знаем, где находимся и чьему гостеприимству обязаны.

– Как и то, кому мы обязаны этим штрафным наказанием, между прочим, – обронил всё тот же весельчак, стоявший у него за спиной.

– А что, де Кревье! – вспыхнул тот. – Вы что же, хотите сказать, что здесь все без вины виноватые, и один я злодей?

– Нет. Злодей – это слишком! Вам же просто не повезло – вот вы и попались, – возразил де Лоран, исполняющий обязанности старшего. – Скорее неудачник, а не злодей.

– А ну-ка, повторите! Вы что же, осмеливаетесь назвать меня неудачником?

Молодые люди приблизились вплотную и встали лицом к лицу, подбоченясь, и с вызовом смотрели друг к другу в глаза.

– Что вы там сказали про неудачника, Лоран? – грозно проговорил де Кревье. – А ну, повторите! А то я не расслышал. Де Беврон, сюда! Будете свидетелем.

– А вам не достаточно было услышать один раз? Может, вы не только неудачник, но и, – де Лоран не закончил свою речь, так как в колено ему упёрся плечом один из младших пажей, которые следили за тем, чтобы нанизанные на металлические прутья хлебцы и колбаски не подгорели над раскалёнными углями в камине.

– Осторожнее, Франсуа! Снимайте вон тот прут, который ближе всех к вам, – к нему присоединились ещё двое из младших пажей. Втроём они, сами того не заметив, создали стену между де Кревье и де Лораном, которые продолжали мерить друг друга яростными взглядами, явно настраиваясь на серьёзную ссору.

– Эй, малышня! – грубо окликнул распетушившийся де Лоран. – А ну, не лезьте под ноги!

– Не грубите, Лоран. Или в вашем провинциальном городишке настоящий дворянин от простолюдина отличается только громкостью своей похвальбы? – осадил его де Кревье и отступил назад, чтобы уступить место возле камина для Виллеруа и остальных пажей, занятых раскладкой поджаренных колбасок и хлеба на большие фарфоровые блюда.

– О! Да здесь уже всё готово! Можно начинать! – объявил де Беврон и, вместо того, чтобы разнять спорщиков, наклонился над блюдом с аппетитно пахнущей горькой колбасок. – Господа! Занимайте места. Садитесь в круг возле камина. Сюда! Расстелите вон те холстины. Не бойтесь, после уборки в этом зале вряд ли найдется столько пыли, чтобы испачкать даже белый батистовый платочек фрейлины.

– Ох, не уверен я в этом. Вряд ли де Кревье проявил столько же усердия, натирая воском паркет, сколько и... – скривил губы в усмешке де Лоран, не желая уступать.

– Послушайте, Гастон! Если вам непременно хочется задеть меня, так вы не стесняйтесь. Скажите напрямик! – возмутился де Кревье, но на этот раз между ним и де Лораном встал д'Орней.

– Остыньте! Не затевайте ссору, господа. Не здесь и не сейчас. Не забывайте – мы всё ещё находимся в карауле. А это значит, что мы – на службе её величества. И не важно, как мы заработали штрафное наказание, важно то, что мы выполнили всё с честью и на совесть.

– О, кто заговорил, – усмехнулся де Лоран. Но оба – и сам он, и де Кревье – последовали примеру остальных пажей и заняли места в кругу напротив огромного камина.

– Итак, я пушу блюда по кругу. Здесь на всех хватит. Кружки с подогретым вином пускайте с другой стороны, – д'Орней передал обжигающе горячую кружку в руки сидевшего рядом Виллерау. – Пейте небольшими глотками. Не спешите.

– Ага... – с рассеянным видом сказал Франсуа, отхлебнул и тут же закашлялся от обдавшего его горячего пара и острых специй, которыми было приправлено подогретое вино. Кроме того, он не привык пить чистое вино, даже в подогретом виде. Ведь перед подачей к столу вино для таких недорослей, как он, смешивали с водой – примерно одну часть вина на четыре части воды – так что это была скорее подслащенная розовая вода, чем вино.

– А давайте рассказывать истории! – предложил кто-то из младших пажей.

Старшие для солидности поморщились и нахмурили лбы. Но ничего этого не было видно, так как кроме огня в камине, огромный зал был освещён всего несколькими свечами, горевшими в настенных канделябрах.

– Так. Начнём. Кто первый? – скомандовал д'Орней, взяв на себя роль распорядителя полуночного пиршества.

Не зная, о чём бы он мог рассказать, Франсуа напрягся в ожидании. Он не хотел оказаться первым, кого выберут в рассказчики, поэтому из-за этих опасений пропустил мимо себя блюдо с ломтиками поджаренного хлеба. Де Беврон, сидевший рядом, подтолкнул его под локоть, когда мимо поплыло и второе блюдо, на котором оставалась всего треть от горки поджаренных колбасок.

– Не зевайте, маркиз. А то всё съестное разберут.

– Давайте я расскажу! – вызвался один из младших пажей, юный Поль де Бовилье шевалье де Сент-Эньян, сын обер-камергера двора Его величества.

– Только не снова про «Даму в красном»! Слышали уже, знаем, – пренебрежительно отозвались сразу несколько голосов, но д'Орней махнул им рукой, призывая к молчанию.

– Рассказывайте, шевалье! Нам интересно.

Франсуа молча жевал горячую колбаску, которая оказалась невероятно вкусной. Изредка он запивал её водой с лимоном из большой оловянной кружки, которую пустили по кругу. Историю про «Даму в красном» он слышал много раз и в разных вариациях, так что, увлечшись едой, не боялся упустить какую-нибудь деталь из рассказа Поля. К тому же самый незабываемый вариант этой истории он уже услышал в исполнении одной из сестёр Манчини год назад во время полуденного пикника в Фонтенбло. Конечно же, у Поля де Сент-Эньяна рассказ был не менее впечатляющий. Особенно для новичков, которые впервые покинули родные дома, уехав из провинции, чтобы поступить на службу в Корпус Королевских Пажей.

– Ой, мамочки! Это что же, вот так встретит её кто-нибудь из нас и умрёт? – воскликнул один из новичков, когда Поль умолк на минуту, чтобы отпить лимонной воды. – А что же, если она ко мне явится?

– Тише! – нетерпеливо прикрикнули на паникёра.

– Не думаю, Грасьен, – изящным жестом вытерев мокрые губы платочком, ответил Поль. – Необходимо быть в Фонтенбло для того, чтобы встретить даму в красном. А мы служим в Лувре.

– Надо быть принцем королевской крови. Хотя бы герцогом, пэром Франции, на худой конец, – заявил де Лоран и усмехнулся. – Нам об этой даме тоже рассказывали. Да что там! У нас, в Лионе, своих историй полным-полно.

– Да, про «Деву в белом», например! Про ту, которая бродит по архиепископскому дворцу, – подсказал Виллерау, знавший много историй о призраке «Девы в белом». Этот призрак нередко являлся в самом дворце, а также в старинных кварцевых пещерах, где бил подземный источник.

– О, как же! И как это я забыл, что у нас есть настоящий знаток, – язвительно огрызнулся Лоран, но тут же был зашикан остальными слушателями.

– Расскажите, маркиз! Расскажите! – потребовали старшие.

– Да, расскажите нам историю о призраке «Девы в белом»! – присоединились к ним те, кто помладше.

– Да, Франсуа, вы как-то обмолвились об этой истории в ночном карауле, – напомнил ему де Кревье. – Расскажите её всем.

Смутившись от неожиданного внимания к своей персоне, Франсуа с шумом отхлебнул воды и тут же едва не выплеснул всё на пол, получив от д'Орнея ощутимый удар по спине.

– Начинайте, дружище! Это точно будет интереснее, чем истории о домашних призраках в полуразрушенных развалинах некоторых фамильных владений! Внимание, слушаем Виллеруа!

Все собравшиеся без возражений откликнулись на этот призыв. И только Лоран демонстративно отвернулся в сторону и, насупившись, уставился в чёрный проём окна.

Яркая вспышка осветила на мгновение зал, выделив светом напряжённые лица слушателей, и Франсуа с удивлением заметил, что никто из слушателей не задремал.

– Ну, а дальше-то что? – спросил кто-то, но когда маркиз продолжил рассказ, то его голос заглушили яростные раскаты грома, грянувшего прямо над крышей дворца.

– Ой! – испуганно всхлипнул кто-то из младших.

Де Кревье поднялся и подошёл к камину, чтобы поворошить поленья.

– Не бойтесь. Это всего лишь гроза. Ничего страшного она не причинит, – успокоил малышей д'Орней.

– А у нас из-за грозы крыша сгорела. Центральная часть замка с тех пор так и осталась под открытым небом, – поделился бедой кто-то из пажей, и разговор перешёл к несчастьям, которые могла принести разбушевавшаяся стихия.

– Тихо! Дайте же Виллеруа закончить! – выкрикнул де Лоран и замахал руками.

– Да! Так и что там с этой дамой? С той девой в белом?

– Ну, она и теперь появляется. Только мало кто видит её, понятное дело, – Франсуа посмотрел на сидевших справа от него, потом повернулся влево. – Всё дело в том, что в те купальни в подземелье, которое находится под дворцом архиепископа, если и заглядывает кто-нибудь, так это святые отцы. А их призраки боятся вроде как.

– А зачем они туда ходят? Что такого в этих купальнях?

– Ну, это вроде горячей ванны, только в пещере, – объяснил Франсуа. – И для неё не нужно таскать воду из котла – она сама наполняется из горячего источника.

На самом деле он сам лишь однажды спускался в пещеры под дворцом архиепископа, и был рад, когда ему разрешили уйти оттуда задолго до того, как отец и дядюшка вволю напарились в горячем бассейне, выдолбленном прямо под сводами пещеры.

– А она вот так запросто является каждому? – спросил кто-то.

– Ну, – протянул Франсуа, пытаясь припомнить, видел ли кто из тех, кого он знал лично, призрак девы в белом. – Говорят, что это в определённое время происходит.

– Да. Для этого должен настать определённый час. Вот как в истории про «Песок времени», – со знанием дела пояснил д'Орней и пустил по кругу ещё одну кружку с подогретым вином.

– История про время? – переспросил его Франсуа. Эти слова запали в его сердце, и в задумчивости он рассеянно передал кружку дальше, оставшись погружённым в мысли о времени и о том, что могла открыть ему история д'Орнея.

– Я тут на днях слышал в одной таверне в Сент-Антуанском предместье историю о времени. Торговец рассказал её мне.

– Расскажите, д'Орней! Расскажите! – посыпались требования со всех сторон, и голос Виллерау был одним из самых громких.

– Ну, хорошо! Правда, времени у нас немного. Скоро папаша Андрэ явится. Не оставят же нас здесь на всю ночь, – согласился д'Орней и протянул руку к свече, горевшей в плошке, стоящей в центре круга. – Итак, слушайте друзья. И внимательно. Ибо, если кто заснёт, когда рассказывают эту историю о времени, то человек этот рискует оказаться «пленником времени».

– Что? Как это? – послышались недоверчивые вопросы.

– Чепуха!

– Чепуха? – д'Орней усмехнулся и посмотрел на де Лорана. – А вы рискните. Попробуйте! Посмотрим потом.

Франсуа испуганно встрепенулся и выпрямился, расправив плечи. Он скрестил ноги, стараясь и виду не подать, что из последних сил сражается с подступающей сонливостью. Во-первых, ему было жизненно необходимо услышать историю о времени, ведь из неё он мог узнать то необходимое, чего ему не хватало для того, чтобы воплотить задуманное. А во-вторых, само по себе предупреждение о страшном наказании, грозившем уснувшему, напугало его не на шутку.

– «Песок времени». Эта история облетела все страны Востока и пересекла Персию, Индию и даже огромный, как целый континент, Китай. Она пронеслась над водами двух океанов, пересекла Ла-Манш, звучала в портовой таверне в Кале, а после попала в один из парижских трактиров.

– Ну и ну, а чем этот человек докажет, что история – не его выдумка? – скептически спросил Лоран и посмотрел на рассказчика.

– Ему и не нужно доказывать. Суть не в том, – не прерывая рассказа, парировал д'Орней. – Так вот, история о «Песке времени». Есть час в ночи – строго определённый момент – он наступает лишь однажды за ночь между глубокой ночью и сумерками рассвета. Если в этот час успеть остановить ход часов, то их время – всё время, которое эти часы должны отмерить – будет принадлежать тому, кто их остановил.

– Зачем же человеку столько времени? – спросил кто-то из мальчишек.

– А когда же этот самый час? В карауле стоять темно, разве разглядишь где-нибудь в приёмной королевы который уже час. Не поймёшь: сумерки или рассвет?

Д Орней не спешил с ответами. Он взялся за горлышко бутылки, которую кто-то пустил по кругу, пока он рассказывал, и отпил несколько глотков кряду. Вытерев губы тыльной стороной ладони, он взглянул на огонь в камине и загадочно улыбнулся. Его взгляд поднялся выше – к каминной полке, на которой между двумя старинными вазами с букетами из оранжерейных цветов мерно тикали механические часы швейцарской работы. ,

– Час Купидона, – произнёс он и с таинственным видом указал на часы. – Час Купидона между тремя и четырьмя часами. Проспите, и не видать вам власти над временем как своих ушей.

– Хм, подумаешь, – отозвался кто-то из старших.

– А я думал, что час Купидона – это когда любовник покидает согретое им гнёздышко, чтобы успеть сбежать, пока законный муж не заглянет в супружескую спальню, – рассмеялся де Кревье, видимо не хотевший, чтобы подумали, будто он всерьёз принял эту историю.

– Думайте что хотите, – ответил ему д'Орней. – А вот время само рассудит: кому оно будет служить, а кто послужит ему?

– Я сам выбираю, кому служить! – ответил на этот выпад де Кревье и встал, опершись о декоративную колонну, которая украшала нишу возле камина. – Вот получу полную аттестацию в корпусе и тотчас подам прошение в гвардейскую роту.

– Время вам не помешало бы, друг мой. Хотя оно помогает только тем, кто ценит его, – глубокомысленно произнёс де Беврон.

В это время, не обращая внимания на разгоравшийся спор, Франсуа погрузился в дремоту и увидел перед собой золотую статуэтку Купидона – ту самую, которая украшала часы в Большой Приёмной. Это видение ошеломило его своей реалистичностью. Ему даже показалось будто он увидел собственную руку, которая остановила золотые стрелки. Испугавшись, он резко вздрогнул и тут же пришёл в себя.

– Что с вами, маркиз? Неужто всё-таки задремали? – спросил его д'Орней и дружески потряс за плечо.

– Нет, я просто подумал, – смутился Франсуа и поделился своими мыслями. – А что же остановит часы? Ведь не всё так просто. В часах есть закрытый механизм. И он защищён. Просто так внутрь не заберёшься.

– И не надо, – с видом таинственного прорицателя ответил рассказчик. – Есть особый песок. Его называют «Песок времени». С его помощью можно остановить любые часы. И похитить время.

– Как это? – хор голосов выявил куда больший интерес к истории, и даже гремевшая где-то невдалеке гроза перестала пугать внимательных слушателей.

– Этот песок остановит время и поглотит его в себя, – продолжал д'Орней, не обращая внимания на возмущенные лица старших пажей.

– Поглощает? Но зачем это нужно? – удивился Франсуа.

– Так это затем, чтобы после передать его новому хозяину – тому, кто владеет этим песком.

– И где же взять этот песок? – неуверенно спросил Франсуа, опасаясь выдать свой интерес.

– Это необычный песок, маркиз, – войдя во вкус, д'Орней уже сочинял на ходу, и следует отметить, что экспромты давались ему гораздо лучше, чем заучивание скучных цитат из латинских трактатов. – Тот торговец поделился со мной волшебным песком. Точнее, я забрал себе горку песка, которую он рассыпал на столе во время нашего разговора. С тех пор я его не видел.

– Что? А песок что же? Пропал? – спросили его голоса вокруг.

– Да нет же. Торговца того. Его я больше не видел.

– А, – протянули одни. – Понятное дело, он живёт себе припеваючи. Небось, уйму времени успел наторговать. А что же песок? Покажете его нам?

– Он не здесь, – зевнув, ответил на это д'Орней. – Я храню его в специальном месте.

Не поддавшись голосу сомнения, как большинство его друзей, Франсуа твёрдо решил, что позаимствует часть волшебного песка у д'Орнея. Только так, чтобы никто не заметил. Час Купидона – а ведь это было похоже на то, что сама судьба решила свести его с человеком, знающим как захватить время. Ах, успеть бы!

Пролог. Часть 3. Ювелир из Марэ

Утро. Середина марта (за полмесяца до основных событий) Лувр. Мастерская ювелира

Новые туфли, подаренные сестрицей Франсуазой, пришлись впору и были просто чудесные, если бы не маленький недостаток. Франсуа носил их всего лишь второй день, но уже успел натереть весьма ощутимую мозоль на правой пятке. Всё бы ничего, но именно то утро выдалось свободным от несения караула, и в запасе у маркиза была уйма времени для того, чтобы успеть пробежаться по дворцовым залам и галереям, собрать все последние новости, заглянуть в буфетную, захватить свежих булочек с конфитюром и отправиться в покои Людовика. Для воплощения этого нехитрого плана требовались только умение лавировать, пробиваясь сквозь толпу, и быстро бегать. Но из-за мозоли на пятке бегать и даже просто ходить становилось всё труднее. Удовольствие от свободы стремительно падало, а вот натёртая пятка начинала приносить ощутимые неудобства. А ведь утро казалось таким славным!

Чувствуя, что он больше не может игнорировать боль, Франсуа доковылял до ближайшей скамеечки. Он плюхнулся на сиденье, обитое голубым бархатом в тон таких же голубых шпалер, которые висели на стенах длинного коридора для прислуги. Положив одну ногу на колено другой, он принялся стягивать тесную туфлю, морщась и тихонько постанывая от боли, щипавшей в месте, где была натёрта мозоль.

– Что, ногу натёр? Бывает.

Простое обращение к нему, без полагавшихся по этикету вступительных приветствий, не смутило Франсуа, однако, тут же привлекло его внимание. Он поднял голову, оглянулся и увидел мальчика – примерно на год старше него. Тот сидел на широком подоконнике того же окна, на скамейку возле которого сел маркиз. Пышная копна чёрных волос сделалась бы предметом зависти всех придворных модников. Миндалевидные карие глаза – необычайно большие и чуть навывкате – внимательно смотрели из-под тёмных ресниц, отбрасывавших длинную тень на смуглые щеки, тронутые румянцем первого загара, по-видимому, обретённого за время долгих прогулок или в путешествии. Или на работе в саду? Следуя этой мысли, Франсуа присмотрелся к костюму незнакомца. Тот был одет в курточку и панталоны строгого покроя из дорогого бархата чёрного цвета, серые плотные чулки и великоватые с виду башмаки из блестящей чёрной кожи с большими серебряными пряжками и бантами из чёрных лент.

– Да. Ещё как натёр, – Франсуа вовсе не считал зазорным для себя ответить на вопрос незнакомца ему мальчика и продолжил попытку стянуть туфлю с ноги.

– Помочь? Может, я попробую?

Мальчик спрыгнул с подоконника и подошёл к маркизу. Не церемонясь, он встал на колено и протянул руки к туфле. Франсуа отодвинулся в сторону, не желая принимать одолжения, но дружеское участие оказалось, к тому же и настойчивым.

– Не дёргай так ногой. Это не поможет. Сейчас я стяну эту туфлю, – крепко ухватив подошву туфли правой рукой и, зажав левой рукой щиколотку маркиза, незнакомец осторожно потянул туфлю на себя и чуть было не откатился назад, упав на скользкий паркет, когда туфля наконец-то поддалась и соскочила с ноги.

– Ничего себе! Вот досада-то, – пробормотал Франсуа, смущённо разглядывая чулок, покрасневший на пятке.

– Ничего себе! – отозвался его неожиданный помощник и с любопытством повертел в руках новенькую ещё туфлю.

– Эх, придётся босиком идти, – с горечью вздохнул Франсуа и боязливо потрогал многотрапальную пятку. – Я эту туфлю не надену снова ни за какие плюшки.

Он и представить себе не мог, что чудесная и красивая с виду вещь могла нанести такой болезненный урон, не говоря уже о разодранном чулке, на котором расплзлось багровое пятно.

– Катастрофа, – констатировал очевидный факт незнакомец и поднялся с пола.

– Ну, не то чтобы совсем уж беда, – поспешил возразить маркиз. Уж он-то повидал на своём веку неприятности и похуже.

Широко улыбнувшись, он поднялся со скамеечки, щеголяя туфлей на здоровой левой ноге. Галантно подбоченившись, он снял щегольскую шляпу и взмахнул ею перед собой.

– Франсуа де Виллерау, – представился он и снова помахал шляпой, сопровождая это представление лёгким поклоном.

– А я – Жан, – мальчик шаркнул правой ногой, отставил её немного назад и отвесил неловкий поклон, взмахнув туфлей маркиза вместо отсутствовавшей у него шляпы. – Жан Морани.

Франсуа с любопытством рассматривал нового знакомого, пытаясь угадать по его облику: в которой из дворцовых служб он состоит? Наконец, сдавшись, он решил, что не будет чрезмерной невежливостью поинтересоваться вслух.

– Вы служите у королевы? Или у кого-то из придворных?

– Нет, – с достоинством ответил Морани и протянул туфлю. – Я не служу пока ещё. Я работаю в мастерской у моего деда. Он – ювелир и часовых дел мастер. У него своя лавка – это в Марэ. Может вы слышали про лавку мэтра Морани? Его во дворец пригласили от имени его светлости графа де Сент-Эньяна. Он – обер-камергер при дворе Его величества.

– Ага, – просто и без особого пиетета перед перечисленными званиями и титулами Франсуа лишь понимающе кивнул и о себе добавил: – Я служу пажом в свите королевы. А мой отец – гувернёр.

– Кого же он опекает? – спросил Морани. Видно было, что он с трудом разбирался в иерархии придворных должностей, но этонисколько не удивило Франсуа. Ведь и он, в свою очередь, ничего не знал о ювелирах и владельцах лавочек в Марэ, хотя и бывал там довольно часто то в компании старших сестёр, то вместе с Людовиком, Луи-Виктором де Вивонном или Филиппом Манчини.

– Мой отец опекает короля, – с лукавой усмешкой ответил Франсуа. – Хотя чаще он, скорее, допекает. Ну, вы-то понимаете, каково это, когда тебя всё время воспитывают и воспитывают.

– Ну, – Жан честно попытался представить себе, что бы его дед – почтенный мэтр Абрам Морани – мог заняться столь неприбыльным и расточительным на время и силы делом: допекать кого-то.

– Нет, не знаю, – в свою очередь вполне честно признался он. – Мой дед учит меня ремеслу. И вообще, всему понемногу.

Жан махнул рукой, давая понять, что ничего существенного в том не было. Ну не рассказывать же незнакомому мальчику о том, как уважаемый часовых дел мастер проводит в задней комнатке своей мастерской ритуалы чтения святых писаний и молитв.

– А, понятно, – кивнул Франсуа. – А это интересно? Часы, надо же! Я, когда маленький был, то думал, что они волшебные и сами по себе работают.

– Это почти что так, – с умным видом ответил на это Жан. – Но не совсем. Часовщик должен завести механизм. А если нужно, то и почистить его. Это очень тонкая и кропотливая работа.

– Механизм? Внутри часов есть что-то ещё? – не скрывая любопытства, воскликнул Франсуа. Его голубые глаза загорелись неподдельным интересом. Он даже позабыл про снятую с ноги туфлю, и про натёртую в кровь пятку, и испорченный чулок тоже.

– А хотите посмотреть? Сегодня мэтра пригласили во дворец, чтобы он взглянул на Купидона.

– На кого? – Франсуа вдруг густо покраснел и опустил глаза. Маркиз всегда сгорал от смущения при упоминании о роли, которую он исполнял в королевском балете, наделавшем немало шума не только при дворе, но и во всех парижских салонах.

– На Купидона. Это знаменитые часы. Они всё время стояли в приёмной королевы или в одной из галерей дворца, – вот теперь Жан открывал для своего нового знакомого нечто новое.

– А можно? Разве там не караулят гвардейцы? Нас-то они пропустят? – спросил Виллеруа, испытующе глядя в глаза – вот тут новичок в дворцовых порядках точно попался! Никто не может пройти в королевские покои, минуя гвардейцев, стоявших в карауле у дверей, и целую армию придворных и лакеев.

– Так ведь дед не прямо там, в приёмной королевы, работает, – с видом превосходства хмыкнул Жан и позволил себе усмешку над невежеством королевского пажа. – В Лувре есть особая комната, где работают ювелиры. Это дворцовая мастерская. Вот туда и перенесли Купидона. Идёмте. Если хотите, конечно же.

– Ага! – полный энтузиазма Виллеруа шагнул вперёд и тут же обнаружил, что был бос на одну ногу, и это значительно мешало ему при ходьбе.

– Хм. Так далеко не уйдёшь, – Жан с сомнением посмотрел на туфлю в руке маркиза.

– Ай, не беда! Я и вторую тоже сниму. Так проще, – Франсуа снова сел на скамеечку и потянул за вторую туфлю. Также как и первая, она не сразу поддалась – так что ему пришлось изрядно попытаться.

Тем временем Жан снял свои широченные, похожие на сабо, туфли и поставил их перед Франсуа.

– Одень пока что. Они удобные и совсем не жмут. Можно дойти до мастерской. А там я что-нибудь придумаю.

– Придумаете? А что? – любопытствовал Франсуа, но без раздумий принял это предложение.

– Мой дядюшка, мэтр Джакоппо Морани, – башмачных дел мастер. Он научил меня кое-чему, когда я ещё в Лионе жил.

– Так вы из Лиона! – обрадовался Франсуа. – И мы оттуда! То есть наша семья. Мы – де Невили.

– Как? Вы из семьи де Невилей? – на лице Жана отразилось удивление, смешанное с восхищением, и он тут же перешёл на почтительное обращение к представителю семьи де Невилей. – Так значит губернатор Лиона – ваш родственник? О, это ведь очень уважаемый человек. Так и знайте! Мой дед будет так рад встрече с вами. Он говорил, что герцог де Невиль служит при дворе, и он когда-нибудь представит меня его светлости. Но нужно ждать. Встретить герцога почти невозможно, ведь он чрезвычайно важный человек и всегда крайне занят.

– Ага, – проговорил Франсуа, думая о своём. Он надел туфли и покрутил по очереди стопами, пробуя, свободно ли туфли сидели на обеих ногах. К его удивлению, кожаные, широкие туфли с тупыми носками оказались очень лёгкими, почти невесомыми и такими мягкими, что облегали ноги, как ласковые ладони.

– Ну как? Хорошо сидят?

– Да. И даже не скользят на пятке, – подтвердил Франсуа и сделал несколько шагов. – Ага! Можно ходить. Но как же вы?

– А ничего страшного. У меня крепкие чулки. Они выдержат спуск по лестнице. Да тут совсем недалеко, – Жан указал на дверь в соседний коридор.

У Франсуа отлегло от сердца, как только он сообразил, что им предстояло пройти по невидимым для большинства придворных коридорам. Не очень-то хотелось попасться на глаза кому-нибудь в парадном зале или в галерее в этих огромных чёрных туфлях.

– Ну что же, идём! – полный энтузиазма позвал он нового друга и зажал шляпу под правой рукой, а снятые туфли нёс в левой руке. – Я готов идти.

– Вот интересно же. При дворе всё так необычно, – говорил Морани, придерживая перед маркизом дверь.

– А чего необычного? Разве здесь не такие же люди, как и везде? – удивился Франсуа.

– Не совсем. Но я не о людях. Я – о дворце. Здесь так красиво. Эти статуи, картины. А вы видели старинные гобелены? А часы! В Лувре огромная коллекция часов. Я их все видел!

– Да? – как-то обескуражено проговорил Франсуа, про себя подумав о том, что рассмотрел всего несколько гобеленов, да и только затем, чтобы узнать: не спрятаны ли за ними ниши с потайными дверьми?

– Да, да, – увлечённо продолжал свои рассуждения Жан. – Вот в Большой Приёмной стоят огромные напольные часы, а в приёмной королевы есть часы с боем – в них встроена башенка с колокольчиками и они отзванивают каждые полчаса. Только те часы, которые стоят в личных покоях короля, мне пока не довелось увидеть.

– Там Аполлон в колеснице, – подсказал Франсуа, нередко прятаявший печеньки в колеснице солнечного бога.

– Да, он самый! Но для вас это всего-навсего Аполлон и квадрига лошадей. А ведь это самые ценные часы во всей Франции. И самые старинные! – перечисляя эти подробности своему новому знакомому, Морани, с видом наставника, поднял указательный палец к потолку.

– Снова рассказываете о дворцовых чудесах, мастер Жан? – с ехидцей в голосе спросил проходивший мимо лакей из службы Королевского дома и подмигнул Франсуа.

– Да, месье Бонфлёр. Рассказываю. А что мэтр Морани, он всё ещё в мастерской?

– Да. Я только что отнёс ему завтрак. Если вы поспешите, то успеете перехватить горячих булочек, пока масло ещё растоплено, – ответил лакей прежде чем скрыться за поворотом, и Франсуа вдруг ощутил страшный приступ голода.

– Если успеем. Хорошо бы! – сказал он, стараясь заглушить ворчливое бурчание в животе. – А то я ещё не завтракал сегодня. В корпусе нас отпустили сразу же после утренней поверки. А до дворцового буфета я не успел добежать.

«Как и к королевскому завтраку» – с сожалением подсказал ему внутренний голос.

– Это здесь? – Франсуа недоверчиво покосился на неказистую дверь, когда они остановились в конце длинного коридора.

На двери не было обычной надписи мелом, которую дворцовый кастелян наносил в соответствии с распоряжением обер-камергера двора. Отсутствовала и позолоченная ручка со встроенным замком, а вместо неё на блестящей медной панели висело медное кольцо с зеленоватыми пятнами – следами окисления. За него-то Жан и подёргал, громко постучав в дверь.

Этот грубый стук разбудил бы и кладбищенского сторожа после ночного дежурства, однако в ответ не последовало ни единого звука.

– Может, двери перепутали? – спросил Франсуа. Ему трудно было поверить, что почтенного ювелира из Марэ, прибывшего во дворец по приглашению самого графа де Сент-Эньяна, устроили в комнатке размером с чуланчик, в котором хранилась мелочь и разный скарб для чистки мебели, посуды или столового серебра.

– Он просто очень занят, – шёпотом пояснил Жан, но про себя он уже не был уверен, что выбрал правильную дверь.

Он повторил попытку постучать и оглянулся, когда из-за двери послышалось приглушённое ворчание и шаркающие шаги.

– Кто? – донёсся изнутри старческий голос.

– Это я – Жан! – отозвался Морани-младший и посмотрел на своего спутника. – Со мной Франсуа.

– Какой Франсуа? Почему ты не один? – мэтр Морани явно не собирался отпирать дверь и впускать в мастерскую какого-то там Франсуа.

– Он из семьи де Невилей, которые из Лиона! – пояснил Жан, и тут же послышалось скрежетание и лязг отодвигаемого засова. Дверь задрожала и наконец с трудом отворилась.

– Месье Франсуа де Невиль? – спросил пожилой господин в чёрном аккуратном камзоле с широким отложным воротником чёрного же цвета, с тонкой лентой кружев такого же чёрного цвета. Блестящие карие глаза смотрели в лицо Франсуа с нескрываемым интересом, а густые поседевшие почти целиком брови медленно поползли вверх.

– Неужели маркиз де Виллерау собственной персоной?

– Доброе утро, мэтр, – Франсуа вежливо поклонился старику, гадая про себя: почему чёрный цвет в его одежде оказался предпочтительнее благородного серого, королевского синего или хотя бы коричневого?

– Прошу вас, проходите. Здесь моя временная мастерская. Не салон в Марэ для приема высоких гостей. Зато мы находимся в стенах Лувра – в королевском дворце!

Этот аргумент никогда ещё не приходил в голову Франсуа, когда ему доводилось видеть откровенно убогие комнаты, в которых ютилась прислуга и даже некоторые из придворных. Но, видимо, у мэтра Морани была своя точка зрения. Да и близость к сильным мира сего могла очаровывать поначалу – Франсуа не раз замечал такое восхищение у тех своих друзей в пажеском корпусе, которые прибыли из провинции. Сам-то он рос при дворе сызмальства и потому считал само собой разумеющимся тот факт, что почти каждое утро у него начиналось с придворной рутины.

– Мы ненадолго, – как бы извиняясь, проговорил Жан, уловив в голосе мэтра нотки любопытства.

– Присаживайтесь, молодые люди! Располагайтесь за столом. Мне как раз прислали завтрак. Прямоком из дворцового буфета. Булочки, сыр, немного вина, паштет. Даже горшочки с маслом и с конфитюром. Только представьте себе! Надеюсь, вам можно пить вино, месье маркиз? Я могу предложить вам лимонной воды.

Франсуа закивал головой, почувствовав аппетитные запахи от прикрытого льняной салфеткой блюда. Его новый друг продолжал смотреть в его сторону с удивлением, смешанным с благоговейным почтением.

– Ну что же, тогда разделим эту трапезу вместе, – радушно предложил мэтр Морани и помахал рукой застывшему в дверях внуку. – Ну, молодой человек, чего же вы стоите? Ставьте кружки на стол. Да не на тот, не на рабочий стол! Вот же рассеянный какой! И кувшин с вином ставьте. И графин с лимонной водой не забудьте. Здесь подают превосходное вино, судари мои. Немного разбавлено водой, но это не портит аромат и букет. Да и молодым головам от него помех не будет. И нам в грехи не зачтётся, – эту фразу он произнёс с особым значением, заглянув в медальон, приколотый к отвороту камзола.

Жан, не проронив ни слова, выставил на стол три глиняных кружки, предварительно обтерев их белым полотенцем, которое достал из комода. Оттуда же он вытащил неглубокие миски и деревянную доску для сыра. Франсуа, не пожелав оставаться в стороне от всего интересного и вкусного, присоединился к нему и с завидной ловкостью, выдававшей богатый опыт, разрезал надвое булочки и принялся щедро намазывать их не успевшим застыть горячим маслом, после чего разложил на мисках и капнул по ложке конфитюра на каждую. Затем он

взял нож с длинным тонким лезвием, который Жан достал всё из того же комода, и нарезал несколько тонких пластин сыра.

Голодные взоры мальчишек говорили сами за себя: никого не пришлось приглашать к столу дважды. Но прежде, чем сесть вместе с ними, мэтр Морани, с благоговейным почтением, укрыл белым полотном стоявшие на рабочем столе часы с легко узнаваемой золочёной фигуркой Купидона, целящегося из лука в ничего не подозревающих жертв.

– Итак, месье маркиз, что же привело вас в мою скромную мастерскую? – спросил мэтр Морани после того, как с превеликим аппетитом были съедены первые, самые горячие булочки, и на лицах сотрапезников отразилось сытое блаженство.

– Я ногу натёр. Жан помог мне туфлю снять с ноги, – просто и без утайки Франсуа рассказал об обстоятельствах их знакомства и, проглотив между делом ещё один кусочек сыра, потянулся к кружке, чтобы запить лимонной водой.

– А. Вот оно как. Да, Жан прослужил в подмастерьях у моего младшего сына – Жака Морани. Как видно, не зря.

– Да, дядюшка Джакоппо не раз говорил, что новую обувь разношивать нужно. Он даже специальные колодки придумал для того, чтобы подгонять уже готовые туфли точно по размеру ноги, – горделивый тон Жана вызвал лёгкую смешинку у маркиза из-за того, что рот говорившего был до отказа набит сыром и сдобой.

– Да, так-то оно так. Новые туфли, новые башмаки – ко всему надо привыкать, – глубокомысленный тон мэтра Морани с кружкой вина в руке звучал особенно философски.

– Так я вот и подумал, – продолжил Жан, после того, как запил съеденные куски большим глотком лимонной воды. – Я тут видел деревянные болванки. Их можно приладить: немного обточить и вставить в туфли Франсуа, – тут он густо покраснел и под внимательным взглядом деда покосился на самого Франсуа. – Месье маркиза, то есть.

– Ой, а можно? Правда же? – управившись с очередной булочкой, обрадовано спросил тот, пропустив мимо ушей титул, который заменил в разговоре его собственное имя. – Ох, я буду так признателен вам за это. А то ведь до крови пятку стёр! И чулок запачкался. Но то не беда, чулок-то у меня много в запасе. А вот туфли жаль. Они красивые. И совсем новые ещё. Мне их сестрица подарила.

Оба Морани переглянулись между собой, и дед кивнул внуку на комод, в ящиках которого хранились инструменты и даже необходимые материалы для разного рода работ.

– И не берите в голову, месье, – заговорил мэтр, а Франсуа так отчаянно закивал головой, что тот забыл про титул и назвал его просто по имени. – Месье Франсуа, вы тут немного подождите. Посидите со мной. Жан всё сделает в считанные минуты. За час он точно управится.

С завтраком было покончено довольно скоро, и мэтр убрал наполовину опустевший кувшин с вином и блюда с остатками булочек, масла и сыра в сервант. Кружки и миски были составлены на краю стола и накрыты салфеткой. И вот широкий обеденный стол в мгновение ока превратился в рабочий стол башмачных дел мастера.

Старший Морани вернулся к своей работе, а его внук с сосредоточенным и серьёзным видом взялся за растяжку туфель. Виллеруа присмотрелся к его работе, потом к работе мэтра и, сделав вполне очевидный выбор в пользу секретов часового механизма, пересел за рабочий стол ювелира.

– Можно я посмотрю? – попросил он разрешения, тогда как мэтр Морани сосредоточил всё внимание на маленькой, круглой пластинке, похожей на половинку от медальона, к которой были прикреплены тонкие зубчатые колесики разных размеров.

– Смотрите, молодой человек, – проговорил мэтр, не отрывая взгляда от пластинки. – Эти шестерёнки требуют чистки и смазки. Когда их работу ничто не нарушает – они могут бежать вместе со временем хоть до скончания веков. Но мельчайшая пыль – пшик! И всё. Остановка часов. Да, да, пыль! Именно это может привести к катастрофе.

– Катастрофа? – прошептал Франсуа. Он приподнялся на табурете и едва ли не запрыгнул на стол, чтобы рассмотреть всё как можно ближе.

– Да. Ведь если остановятся часы – это неминуемо приведёт к катастрофе, – пояснил мэтр Морани, не заметив ничего странного в поведении мальчика. Он достал палочку из золота, тонкую, как швейная игла, и обмакнул её в густую жидкость прежде, чем аккуратно коснуться ею всех пластин и колёсиков, а затем он осторожно обвёл кончиком иглы зазубрины и края шестерёнок.

– Регулярная смазка. И чистота. Вот что требуется часам для безупречной работы.

– Неужели всё так просто? – восхитился Франсуа, уже представив себе, как вскрыет часы в кабинете Людовика и самостоятельно разберётся в их механизме. А ведь можно и так подлить этого волшебного масла, чтобы стрелки бежали скорее. И тогда скучные часы учебных занятий будут пролетать со свистом! Окрылённый этой мыслью, маленький выдумщик уже видел себя Властелином Времени, щедро одаривающим всех желающих минутами и часами, сэкономленными на учёбе. Или даже днями!

– Э нет, всё далеко не так просто, – усмешка мастера вернула маркиза из мира его воздушных фантазий на землю. – Только самые исключительные часы могут показывать точное время всегда. Этим-то они и важны, и ценнее всех остальных часов. И всё же, – он с сожалением посмотрел на лежавшую перед ним пластину с зубчатыми колёсиками, на одном из которых была видна неглубокая царапина.

– Всего-навсего мелкая песчинка, соринка, пыль может нарушить работу даже таких великолепных часов.

– И что же, это всё? – Франсуа с любопытством рассматривал едва заметную царапину.

– Нет, для Купидона это не всё, – торжественно заявил мэтр Морани. – Ведь не зря же господин обер-камергер обратился за помощью к лучшему из часовых дел мастеров в Марэ. Ко мне.

Это прозвучало довольно пафосно и громко, но у Франсуа не возникло ни тени сомнения в том, что могло быть иначе.

– Я могу изготовить деталь, которая не только заменит утраченную. О, сделаю так, что она улучшит ход часов! Не будь я Абрамом Морани!

И он принялся собирать остальные части механизма внутри позолоченного куба, оставив место для последней пластины. Франсуа всё это время с интересом наблюдал за каждым его движением, запоминая последовательность всех действий.

– А вот и ваши туфли, господин маркиз! Готово!

Пока Франсуа был занят наблюдениями за работой ювелира, Жан успел загнать в его туфли деревянные колодки и растянуть кожу, не оставив ни малейших повреждений.

– Неужели всё? – обрадовался маркиз и соскочил с высокого табурета. – А можно мне примерить их?

Хотя натягивать туфли не пришлось с таким же трудом, как снимать их, но всё же натёртая пятка дала знать о себе. Видя страдания, отразившиеся на лице Франсуа, Жан отыскал небольшой кусок материи и корпию, чтобы сделать небольшую повязку поверх мозоли. Правда, для того, чтобы обмотать щиколотку на ноге, маркизу пришлось спустить чулок.

– Вот теперь всё, – констатировал завершение работы Жан и с довольным видом посмотрел на деда.

– Вижу, что уроки Жака не прошли даром, – одобрительно кивнул тот, но вместо награды для внука, протянул маркизу маленький медальон, который достал из недр своего саквояжа.

– Ой, это что же? Это мне? Они настоящие? – восхищённый диковинным подарком, Франсуа и не подумал о том, мог ли он принять столь ценную вещь в дар?

– Это карманные часы, месье маркиз. Я сделал две пары одинаковых часов. Одна пара у моего внука, – мэтр кивнул в его сторону. – Жан, ты объяснишь месье де Виллеруа как работают эти часы?

– Конечно! – согласился юный Морани и улыбнулся Франсуа, почувствовав небольшое, пусть и недолговечное, превосходство над маленьким придворным.

Пролог. Часть 4. Восточные сказки

Утро. Середина марта (за полтора месяца до основных событий) Лувр. Королевская спальня

Окрылённый свободой и тем, что больше не приходилось хромать, Франсуа бежал по знакомым коридорам, подпрыгивая на каждом шагу и радуясь ощущению лёгкости, которую дарили растянутые по ноге туфли. Обновлённые умелыми руками юного мастера, они не стискивали ступни, как испанский сапожок, а сидели точно по ноге и пришлись впору: хоть для резвого бега, а хоть бы и для энергичных танцев или просто для весёлых прыжков через лужи на дорожках в садах Тюильри.

Одну руку Франсуа держал в кармашке камзола и через каждые три шага вынимал из него вещьцу, похожую на медальон с инкрустированной серебряной крышкой. Открывая её при помощи маленького гвоздика, закреплённого вместе с цепочкой, Франсуа, с интересом и немалой гордостью, разглядывал круглый циферблат с золотыми цифрами. Две тоненькие стрелки бежали по кругу – каждая в своём ритме – и отмечали точное время. Мэтр Морани особо указал на длинную стрелку, назвав её минутной, и объяснил, что, не то что во Франции, а и во всей Европе, найдётся немного счастливых обладателей таких же карманных часов с двумя стрелками. Сам Франсуа не воспринял этот факт близко к сердцу – ему было достаточно и того, что у него просто появились часы. Но объяснения Жана о смысле бега двух стрелок и о работе механизма открыли маркизу новый мир часов, а, вместе с тем, и понимание скоротечности времени и его ценности. Впервые в жизни Франсуа мог самостоятельно следить за временем, которое было в его распоряжении. И хотя в последние месяцы у него было не так уж и много свободных часов, теперь же он мог воочию видеть стремительный бег времени и даже минут.

У дверей в покои Людовика маркиза встретили с веселыми улыбками стоявшие в карауле гвардейцы личной гвардии Его величества. Они без лишних расспросов пропустили Франсуа в кабинет короля, прекрасно зная, что маркиз был один из тех юных кавалеров, которые посещают занятия вместе с королём.

Оказавшись в кабинете, маркиз почувствовал, как по спине побежали мурашки будто бы от внезапного холода. Это случалось с ним каждый раз стоило ему только услышать отцовский голос. Вот и теперь через приоткрытую дверь из спальни короля слышались голоса. Один из них принадлежал герцогу де Невиллю. Другой голос, то и дело эмоционально перебивавший его, был голосом Людовика. А вот третий голос, спокойный и очень тихий, заставлявший прислушиваться к каждому слову, без сомнений, мог принадлежать только одному человеку – Мазарини.

Бежать прочь было поздно – ведь в Большой приёмной его уже видели и гвардейцы, стоявшие в карауле у дверей, и придворные, праздно коротавшие время до начала полуденной аудиенции.

Оглядевшись, Виллеруа пожал плечами и, не найдя ничего, что заинтересовало бы его, забрался с ногами на высокий табурет возле камина. Подтянувшись на носках, Франсуа ухватился левой рукой о каминную полку для поддержки, а правой потянулся к фигуркам лошадей, мчавших золотую колесницу Аполлона. Подвинуть часы ближе к себе, чтобы рассмотреть их механизм, оказалось непросто. Они были тяжёлые, как будто вросли в мраморную каминную полку. Спрыгнув на пол, Франсуа передвинул табурет ближе к месту, где высились позолоченные фигуры лошадей и лучезарного бога, и снова забрался наверх. Языки пламени, плясавшие яркими всполохами в глубине камина, едва не обожгли его колени. Стараясь не обращать внимания на нестерпимое покалывание в икрах из-за разодранных чулок и жара в коленях, Франсуа подтянулся к возжеленному предмету, чтобы внимательнее рассмотреть его.

– И что это, по-вашему, вы делаете, господин маркиз?

Услышав голос отца прямо у себя за спиной, Франсуа едва не потерял равновесие. Качнувшись на табурете, он расставил руки, готовый к полёту. И он наверняка слетел бы прямоком с табурета в широкий зев камина, если бы чьи-то сильные руки не подхватили его подмышки. Опомнившись уже в тот момент, когда ему помогли спуститься на пол, Виллеруа отряхнул панталоны, слегка испачканные на коленях копотью, которой была покрыта верхняя часть стены над камином. Мелькнувшая улыбка облегчения замерла у него на губах, и Франсуа удивлённо уставился на человека, снявшего его с расшатанного табурета до того, как произошла самая настоящая катастрофа.

– Кажется, наш юный месье де Виллеруа пожелал свериться с часами, – произнёс кардинал, расправляя широкие рукава алой сутаны. – Не так ли, маркиз?

– Очередные выдумки, – недовольно обронил герцог де Невиль и сурово посмотрел на сына. – И почему, объясните мне, вы сегодня не на занятиях, сударь?

– А у нас свободный день, – ответил Франсуа, почувствовав прилив уверенности от ободряющей улыбки кардинала.

– Вот видите, герцог, хотя бы кто-то умеет ценить своё время и проживает его с удовольствием. Для нас с вами, увы, это уже давно недоступная роскошь!

Мазарини прошёл к дверям, но остановился и обернулся к де Невиллю.

– Время, мой дорогой герцог. Пока в нашем распоряжении есть время – всё в наших руках.

Лицо герцога вытянулось, и он слегка побледнел. Франсуа заметил, как напряглись и побелели его пальцы, когда он с силой сжал маршальскую ленту, надетую поверх перевязи для церемониальной шпаги. И снова маркиз невольно подслушал разговор, касавшийся дел его отца и времени. Ясно было, что какое-то обстоятельство, связанное со временем, доставляло герцогу немало беспокойств.

Кардинал вышел, вслед за ним удалился и герцог де Невиль, не сочтя необходимым задерживаться ради беседы с сыном, у которого выдалось свободное утро – какая непозволительная роскошь для пажа!

– Постарайтесь не слишком отвлекать Его величество от занятий, сударь, – высказал единственное наставление для маркиза королевский воспитатель и покинул кабинет.

Машинально отвесив поклон ушедшим кардиналу и герцогу, Франсуа выудил из кармашка часы и открыл серебряную крышку. Стрелки как раз сошлись на самом верху, обозначив полдень.

– Франсуа! – позвал из спальни Людовик. – Если это вы, то входите. Или вы нашли занятие поинтереснее?

– Вовсе нет! – весело отозвался на это приглашение маркиз и влетел в комнату, где король соизволил провести всё утро, изображая хворь, причины которой оказались неведомы консилиуму королевских медиков. Впрочем, кое-кто из врачей назвал вполне вероятную причину этого недомогания – апатию и скуку, которые овладели душой юного короля от переутомления из-за ежедневных монотонных занятий с учителями. Конечно же, именно этот вывод казался наименее вероятным в глазах главного воспитателя короля – герцога де Невилля – но оспаривать слова членов консилиума королевских медиков он не стал. Вместо этого он на всякий случай согласился позволить Людовику провести целый день в покоях, освободив ото всех занятий, которые требовали выхода из покоев.

– Ну, рассказывайте! Что у вас нового? – Людовик указал на мягкий пуф, стоявший в ногах широкой постели.

Недолго думая, Виллеруа передвинул пуф поближе к изголовью, уселся на него и, свесив ноги, беззаботно принялся болтать ими перед собой, любуясь пряжками и лентами туфель.

– Хотите позавтракать за компанию со мной? – спросил Людовик и подтянул поближе к себе столик на невысоких ножках, специально устроенный так, чтобы можно было ставить его на постели поверх одеял.

И хотя в животе у маркиза было уже довольно тесно после щедрого завтрака у мэтра Морани, он с радостным энтузиазмом и вновь обрётённым аппетитом согласился составить компанию смертельно скучавшему Людовику.

– Бульон уже остыл. А вот молоко очень свежее. Пейте молоко, Франсуа. А я буду пить эту воду, в которую плеснули несколько капель вина. Чур, булочки напополам! Эти с мясом. А вот те – с вареньем.

Разделив, таким образом, всё, что лежало в корзинках на импровизированном столике, друзья приступили к завтраку. Аппетит Людовика заметно уступал, и после первой же булочки он лениво поддел вилкой с длинными зубцами кусочек сыра и откинулся на подушки. Франсуа смог осилить всего две булочки с вареньем и, пока он допивал молоко из глиняной кружки, Людовик безучастно рассматривал узоры, вышитые на балдахине над постелью.

– Так что же нового во дворце, маркиз? А что творится у вас в пажеском корпусе? Вы больше ничего не учудили с друзьями? Или господин Мальфлёр выдумал новые наказания?

– Ай, – махнул рукой Виллерау, поставив на столик пустую кружку. – Мальфлёр совсем потерял милосердие. Вчера он вышел из себя и заставил всех провинившихся навести паркет в большом зале Тюильри и носить мебель для концерта. Работы было на целый вечер. А поскольку за нами никто не явился до глубокой ночи, так мы там и скоротали время у камина.

– Так вы снова успели набедокурить, Франсуа? – в глазах короля мелькнул интерес и даже лёгкая тень зависти к юному пажу, у которого, в отличие от него, было неиссякаемое число возможностей устраивать шалости и всяческие проделки день-деньской.

– Да так. Нас застигли врасплох, когда мы играли в шарики во дворе, – скромно пожал плечами маркиз. – Ничего особенного.

– А, – скорее разочарованно откликнулся на это Людовик. – А я уж понадеялся на интересные истории.

– Самое интересное было ночью. Мы сидели в большом зале в Тюильри. Королева Генриетта приказала, чтобы для нас развели огонь в камине. Нам принесли целый котёл с горячим вином со специями и графин с лимонадом, сваренным на меду. Вот это было здорово! Я никогда не успевал распробовать его раньше. А ещё нам позволили поджаривать на углях кусочки хлеба с сыром. Ух, вот же вкусно получилось! Ну и у вас тоже вкусно, – Франсуа покосился на Людовика, но того так захватил рассказ о ночных посиделках, что он не обратил внимания на невольное сравнение завтрака, который подали с королевской кухни, с теми лёгкими полужидкими закусками, которыми угощали пажей в Тюильри.

– Ну, рассказывайте дальше, Франсуа. Что ещё было? Там ведь так пусто – в том дворце, да? А страшно было в грозу?

– Ветер так страшно завывал в каминной трубе! И на окнах рамы совсем прохуdivшиеся, так что в щели задувало страх как, – поделился впечатлениями маркиз и быстрым движением взял с тарелки дольку груши.

– Так и что же вы делали? – наводящие вопросы наконец-то возымели своё действие, и Франсуа вдруг хлопнул себя по лбу, будто бы вспомнив что-то важное.

– Да! Мы же почти всю ночь слушали истории.

– Страшные?

– Не все. Но жутко интересные, – не обратив внимания на то, что Людовик сел на постели и отодвинул в сторону от себя столик с остатками завтрака, Франсуа устремил полный задумчивости взгляд на книжный шкаф.

– Так расскажите и мне! – потребовал Людовик.

– Ага. А лучше давайте я прочитаю. Гастон д'Орней соврал. Он сказал, что услышал историю от странствующего торговца в каком-то трактире, что в Сент-Антуанском предместье. А я точно знаю, что он прочитал её в книге. Да, да! У вас на полке стоит такой же томик. Его поднесли в дар королю. Ещё до вас.

В глазах Людовика сверкнули молнии, когда его друг вот так мимоходом упомянул о его отце, которого он почти не помнил. Но сердиться на Франсуа было невозможно. Даже исподволь нанося уколы, он так искренне старался развлечь его, что заслуживал прощения и за грубость посерьёзней, чем эта.

– Так какую же историю вам рассказали? – потянувшись, Людовик вылез из-под одеяла, спустил ноги на пол и наконец-то решил покинуть постель.

Переодеваясь из ночной сорочки в чистое бельё за высокой китайской ширмой из рисового шёлка, он то и дело выглядывал и бросал нетерпеливые взгляды на маркиза.

– Ну, не тяните же! Что за история? – спрашивал он.

– Я сейчас. Только найду её, – отвечал Франсуа, забираясь на складную лесенку, которую приставил к книжному шкафу. – Я помню. Она вот здесь стояла. Это надо же, какое совпадение! И ведь сегодня мне рассказывали о часах. О времени, – говорил он самому себе, даже не обращаясь к Людовику. – И эта история как раз о том же. Если сделать всё, как там сказано, то время можно собрать в кулак. И править им.

– Ну, так рассказывайте же! – Людовик проявил откровенное нетерпение и вышел из-за ширмы, завязывая тесёмки на камзоле, укороченным кроем напоминавшем детскую курточку.

Одевшись без помощи камердинера, он выглядел достаточно неряшливо и почти комично, но звать Бонтана или одного из его помощников Людовик не хотел. Ведь стоит камердинеру явиться в личные покои короля, как слухи о том, что Его величеству уже лучше, и он готов выйти в свет или давать аудиенции, разлетятся по дворцу быстрее весенних мух.

– Ну, нашли? Так читайте же, – потребовал Людовик и сел на приземистый табурет напротив туалетного столика.

Франсуа вытянул небольшой томик величиной с ладонь из ряда плотно составленных между собой книг. Лесенка под ним качнулась из стороны в сторону, грозя упасть и повалить на пол неосторожного книгочея. Стараясь удержаться на оказавшейся весьма шаткой конструкции, маркиз вцепился за перекладину и свободной рукой прижал найденную книгу к груди.

– Уф, – выдохнул он, неосторожно посмотрев вниз с самой верхней ступеньки, на которую забрался, позабыв про боязнь высоты.

– Ну, что там, Франсуа? – Людовик обернулся в его сторону, когда закончил протирать лицо тонкой салфеткой из хлопкового полотна, смоченного в розовой воде. – Вы нашли нужную книгу?

– Да. Сейчас. Я только... Я сейчас спущусь вниз, – отрывисто отвечал маркиз, стараясь крепко держаться за выступающую полку шкафа и при этом отчаянно болтая левой ногой, чтобы поставить её на перекладину лестницы.

Его пальцы почти занемели и, казалось, что разжать их уже невозможно. Стараясь не смотреть вниз, маркиз попробовал присесть, чтобы дотянуться левой ногой до перекладины и закрепиться на ней. Зажмурившись, он старался не смотреть вниз и по сторонам, боясь увидеть огромный книжный шкаф, особенно же верхние полки, которые возвышались от пола на высоту более чем в три его роста.

– Да что там, Франсуа? Заснули вы там наверху, что ли? – Людовик нетерпеливо постучал ладонью по столешнице и обернулся.

– Ох, – вырвалось у Франсуа, и он посмотрел через плечо, поймав на себе его требовательный взгляд. Пальцы, намертво прилипшие к полке шкафа, начали дрожать и разжались. Он медленно осел на подгибающихся коленях, но всё-таки нашёл в себе силы, чтобы ухватиться за перекладину на уровне пояса, и начал осторожно переступать вниз. Сначала левой

ногой, потом правой. Одна, вторая, третья ступенька. Чем ниже он спускался, тем легче становился спуск, и росла уверенность в том, что он преодолеет его без ущерба для себя. Наконец и последняя перекладина, и вот уже правая нога встала на твёрдый паркет.

Соскочив на пол, Франсуа радостно выдохнул и вытянул перед собой руки, любуясь добытым трофеем.

– Вот этот томик! Пересказы восточных сказаний и мифов в изложении господина Франсуа-Эме Клермон Гийона, – прочитал он титульную надпись, вытесненную на кожаном переплёте.

Это была одна из тех старинных книг, которые уже несколько десятков лет хранились на книжной полке в королевской спальне. От её полинявшего форзаца поднялось облачко пыли, которое тут же вызвало громкий чих. Ничего не видя перед собой из-за выступивших на глаза слёз, маркиз присел на нижнюю перекладину лесенки.

– Возьмите, – Людовик подошёл и протянул ему большой носовой платок из личных запасов, которые внимательный к мелочам Бонтан всегда хранил в ящике туалетного столика наряду с другими важными мелочами для повседневных нужд, а также на случай простуды.

Прочитавшись, Франсуа вытер нос и, избавившись от платка, принялся листать пожелтевшие от времени страницы старинного фолианта в поисках знакомой истории. Его взгляд то и дело отвлекался на красочные иллюстрации, которые мелькали на страницах, словно оживая в тот момент, когда он смотрел на них лишь краешком глаз. Изображённые на иллюстрациях девы, облаченные в тонкие, почти прозрачные одеяния, танцевали замысловатые танцы перед возлежавшими среди цветов и подушек юношами, старцами и мужчинами. Были среди них и странного вида дейвы или, проще говоря, демоны, кожа которых отливала синим цветом, а глаза смотрели так жадно и пристально, что казалось, если тут же не перелистать страницу, то они оживут и выскочат из книги прямо в комнату.

– Да погодите же, – вдруг остановил его Людовик, когда рука Франсуа уже подняла очередную страницу. – Какая красавица. Её глаза и лицо напоминают мне кого-то, – прошептал он, задержав ладонью страницу. – Не правда ли, вот эта принцесса похожа на мадемуазель Манчини?

– Эта? – засомневался Франсуа, вглядываясь в фигуру луноликой красавицы. – Но она... – он запнулся, не зная, какое лучше слово подобрать для описания выдающихся форм, скорее напоминавших фигуры спящих богинь с картин, украшающих дворцовые галереи, чем изящных и по-девичьи тоненьких и звонких фигур девушек из семейства Манчини.

– А, ну вот же! Вот я и говорил, что вы уже поднялись!

Людовик и Франсуа вскочили на ноги, раскрасневшиеся и смущённые от того, что оказались застигнутыми врасплох за разглядыванием картинок с девушками в книге, в которой многие истории были весьма недвусмысленного содержания. Людовик в два прыжка оказался возле окна, а Франсуа, не найдя ничего лучше, чем спрятать томик у себя за спиной, встал рядом с книжным шкафом.

В спальню стремительно быстрой походкой влетел младший брат Людовика – Филипп Анжуйский. Следом за ним вошли нахмурившийся Бонтан и, лукаво сощутив глаза, шевалье де Безнар. Шевалье нёс подмышкой кожаный чехол с несколькими учебными рапирами для упражнений в фехтовании.

– Я прошу прощения, Сир, – пробормотал Бонтан, с первого же взгляда оценив степень несвоевременности их вторжения.

– Луи, вы же обещали! Сегодня у нас утренние занятия. А вы тут за книжками решили всё утро просидеть? – Филипп капризно скривил губы и посмотрел на брата взглядом, полным обиды.

– Я ничего не обещал, – вспыхнул Людовик, но тут на стороне юного герцога решился выступить учитель фехтования.

– Сир, я услышал, что вам уже лучше. После пережитой лёгкой простуды физические упражнения в виде танцев или верховой езды, несомненно, исключены на неделю. Но фехтование – это совсем другое дело. Во-первых, это гимнастика для вашего тела, а во-вторых, это хорошее настроение для вас самого и для вашего партнёра. Мы вмиг поднимем тот общий тонус, о котором с таким беспокойством отзывался ваш личный врач – мэтр Дакен.

– Но у маркиза не будет пары, – Людовик взглянул на всё ещё пылавшего от смущения Франсуа и попробовал последнюю отговорку. – Мы же не будем упражняться два на одного? Филипп хорош в фехтовании, но не настолько.

– Месье де Виллеруа может пропустить сегодняшнее занятие, – нашёл консенсус шевалье де Безнар и обернулся к Бонтану – тот только широко развёл руки и кивнул. – Господин камердинер, помогите Его величеству облачиться в подходящий для занятий камзол. И наденьте туфли для фехтования! – добавил он, заметив босые ноги Людовика, утопавшие в густом ворсе ковра, расстеленного между окном и постелью.

– Я право же, если Его величеству будет угодно, – потеряв контроль над ситуацией, Бонтан невольно поддался энтузиазму, которым горел юный герцог Анжуйский, и деятельной энергией, с которой учитель фехтования взял на себя бразды правления в королевских покоях.

– Угодно, конечно же! Луи, вы дали мне слово! – напомнил Филипп и подошёл к Франсуа, у которого руки опустились вниз вместе с томиком переводов Гийона.

– А это что тут такое? О, нет! Луи, так нечестно! Вы что же, хотели всё утро провести за чтением книжки? – тонкие пальцы герцога указали на фолиант в руках Виллеруа. – Фи, было бы что... А то какие-то там сказки.

– Это очень интересно, – не выдержал столь незаслуженные нападки маркиз, но Филипп молча смерил его колким взглядом.

– Можете остаться здесь и хоть зачитайтесь этими вашими сказками, маркиз. А мы идём на урок фехтования! Ура! Сегодня я проведу три укола, Луи. Вот увидите! Спорим? Я выиграю! Я знаю секретный удар, страшный. Смертельный! Мне де Гиш показал.

Людовик не слушал эти похвалы. Он снова стоял за ширмой, всецело предоставив себя заботам камердинера. Бонтан помог ему разоблачиться и натянуть тонкие чулки, а поверх них широкие панталоны, похожие на буфы, специального свободного кроя для упражнений в фехтовании и занятий танцами.

– Оставайтесь здесь сколько вам захочется, Франсуа, – сказал Людовик перед уходом. – Бонтан! Велите принести печенья и графин с лимонным напитком для маркиза. И учтите, Франсуа, я рассчитываю на то, что потом вы перескажете мне эту историю.

– Какую историю? – огонёк любопытства блеснул в медовых глазах Филиппа, и он обратил внимательный взгляд на книгу в руках у Виллеруа.

– А вот хотите узнать, да не выйдет, – с ехидцей ответил ему Людовик. – Вас ведь только фехтование заботит. Будьте уверены, я задам вам взбучку, несмотря на простуду.

Толкаясь и награждая друг друга братскими пинками, Людовик и Филипп ринулись наперегонки прочь из спальни в сопровождении учителя фехтования и Бонтана, у которого хранились ключи от зала для занятий фехтованием.

Что до Франсуа, то он так и остался в спальне, усевшись на нижнюю ступеньку лесенки у книжного шкафа. Он так увлёкся чтением, что не заметил входивших в комнату лакеев, которые убрали остатки завтрака и кроватиный столик для завтрака в постели. А через некоторое время второй камердинер короля принёс из буфетной вазочку с печеньем и конфитюром, и ещё целый графин воды с лимоном. Даже запах свежей выпечки не отвлёк маркиза от чтения сказания о «Песках времени». Ещё бы! Ведь от ювелира из Марэ – мэтра Морани – он узнал про механизм часов и даже о том, как можно заглянуть в него и рассмотреть самому работу шестерёнок и пружин, которые обеспечивали ход часовой и минутной стрелок. Увлечённый чтением, Франсуа искал в пересказе древней легенды объяснения самого важного вопроса,

который волновал его: как остановить ход стрелок на часах так, чтобы подчинить себе само время?

Глава 1. Записка от короля

Вечер. Пале-Кардиналь, библиотека

Одним из самых тяжких грехов досточтимая синьора Джеронима Манчини считала безделье. И это сделалось бы из ряда вон выходящим событием, если бы кто-нибудь сумел застать эту уважаемую женщину проводящей время без дела в своих покоях. Она всегда умела занять себя хотя бы незначительным занятием, для неё важны были не масштабы затеи, а степень вовлеченности и то, как привлечь к её воплощению всех домочадцев. Так что во дворце кардинала, где поселились семьи обеих его сестёр, не было покоя с раннего утра до позднего вечера. Впрочем, некоторые из детей Манчини и Мартиноцци умудрялись выкроить для себя время для беззаботного ничегонеделания за рассматриванием гравюр в фолиантах, хранившихся в огромных книжных шкафах дядюшкиной библиотеки или за сочинением лёгких виршей, расположившись на широком карнизе окошка на верхнем этаже под самой крышей, куда синьора Джеронима поднималась крайне редко. Далеко не все из племянников и племянниц кардинала Мазарини были столь уж вопиющими бездельниками. Средняя из сестёр Манчини – Мария – чаще других скрывалась в дядюшкиной библиотеке у книжных шкафов, и её интерес вызывали вовсе не гравюры в книгах, которые она выбирала, а именно чтение.

– Ах, Олимпия, если бы ты удосужилась взглянуть хоть одним глазком в это сочинение! – Мария оторвалась от книги и с восторгом посмотрела на колыхавшиеся от лёгкого ветерка веточки каштана, на которых проклюнулись, похожие на крылья сказочного существа, первые зелёные ростки будущей листвы.

– Полно тебе, Мария! Как я могу заглянуть хотя бы одним глазком в эту книгу, когда ты вцепилась в неё как коршун! – усмехнулась Олимпия и повела плечами прежде, чем подняться с облюбованного ею местечка на скамеечке с мягкой обивкой. – Как ты думаешь: матушка уже нашла желающих перебирать прошлогодние травы? Надеюсь, меня не поймают здесь вместе с тобой за грехом безделья.

– Бездельничаешь только ты, сестрица, – обиженным тоном возразила Мария и отгородилась от всего мира за толстенным фолиантом, в большей степени для того, чтобы позлить сестру и не увидеть гримасу, которую та непременно состроит ей.

– А ну и пусть, – та махнула рукой и порывистым движением сорвалась с удобной, но успевшей порядком наскучить скамеечки к венецианскому окну, выходившему в сад.

Осторожный стук заставил обеих сестёр встрепенуться, словно садовых птиц, вспугнутых внезапным порывом ветра. В дверях показался слуга. Он поклонился и, деликатно покашляв в ладонь, заговорил приглушённым голосом.

– Курьер из Лувра доставил письмо, – обе сестры тут же повернулись к нему с вопросительным выражением на лицах. – Для мадемуазель М.О., – с лукавой ухмылкой пояснил слуга и протянул бумагу, запечатанную печатью из красного сургуча, но не успел сделать и шагу, чтобы переступить через порог, когда обрадованная и взволнованная Олимпия сама подбежала к нему, протянув обе руки к заветному письму.

– Это мне! Это же мне!

– Прошу простить, мадемуазель. Здесь приписка. И я не мог не заметить, что требуется ответ, – пробормотал смущённый до крайности слуга.

– А что же посыльный, он всё ещё здесь? – Олимпия лишь мельком взглянула на него, поглощённая разворачиванием листа с посланием.

– Нет, его уже опустили, – в чёрных глазах слуги блеснул огонёк. – Если вы помните меня, мадемуазель? Это я. Меня зовут Джанкарло. Я уже имел честь оказать небольшую услугу для вашей милости. Помните? Это я передал послание для одного человека в Лувре.

– Джанкарло! Да, как же, я помню вас, сударь, – кивнула ему Олимпия.

Одной рукой она сделала ему знак подождать, а второй поднесла наспех вскрытое письмо к глазам. По мере того как она читала послание, румянец на её щеках разгорался всё ярче, а глаза заблестели от предвкушения сбывшихся надежд.

В то же самое время Мария изо всех сил делала вид, что ей было решительно всё равно какие срочности заставили кого-то там из Лувра слать записки её сестре. Да и записка вряд ли могла быть хоть сколько-нибудь важной, раз курьер, принёсший её, не остался, чтобы дожидаться ответа. Разве что это послание было крайне любопытным, иначе отчего же глаза девушки давно потеряли ту строчку в книге, на которой прервалось чтение, и украдкой поглядывали на листок в руках Олимпии?

– Ах! Это приглашение на репетицию! В Лувр! – воскликнула наконец она и обернулась. – Мария! Ты представляешь? Он сам...

– Фи, какая разница? – вполне искренне удивилась Мария, про себя вздохнув от облегчения: ничего особенного её сестре не перепало на этот раз – всего лишь приглашение на репетицию. – Нам всем прислали приглашения на завтра. Большая репетиция – подумаешь какое событие. Король любит устраивать огромную шумиху вокруг своей персоны.

– Как это все получили? – Олимпия обратила на сестру почти ненавидящий взгляд. – Все? А почему же я об этом только сейчас узнаю? – забыв прочесть вторую часть послания, записанную на обороте листа, она сложила его и спрятала за корсаж. – Как ты могла! Как ты могла, Мария? Ты специально хотела сделать мне гадость?

– А что такого? – сыграв в наивное непонимание, спросила та и уткнулась носом в книгу, прячась от испепеляющего взгляда старшей сестрицы.

– О, ты просто злая, Мария! Ты завидуешь мне! – воскликнула Олимпия.

– Мадемуазель, – деликатно кашлянул в ладонь Джанкарло, повторив очередную попытку напомнить о себе пока между сёстрами не разразилась настоящая ссора.

– Ах да! – красивое лицо Олимпии осветила улыбка, словно и не было обличающих слов, сказанных сестре. – Сударь, я буду очень признательна вам, если вы передадите лицу, пославшему это, – сияющая улыбка и глубокий взгляд карих глаз договорили всё, что не высказали её уста. – Я непременно буду. Я буду ждать перед началом репетиции на нашем обычном месте. И в костюме, конечно же. Да! Я буду в костюме, как он и просит в этом письме.

– Вы не напишете это в ответном послании, мадемуазель? – поинтересовался Джанкарло, стремясь всячески выслужиться перед мадемуазель Манчини в угоду её всесильному дядюшке.

– Написать? Ах нет, пусть так. Передайте всё на словах.

Несколько озадаченный таким поручением, Джанкарло немного растерял апломб и замялся на пороге. Заметив это, Мария с шумом захлопнула книгу и отложила её на стоявший рядом столик.

– Погодите, сударь. Олимпия, не будь гусыней! Как можно передать твоё глупое послание на словах? Ведь это же король! К нему в покои не попадают просто так в гости на стаканчик вина, если ты не герцогский сын или гвардеец. Ты должна написать для него ответную записку. Письмо, понимаешь?

– Это уж мне решать! – топнула ногой Олимпия. Она терпеть не могла поучительного тона младшей сестры.

– И всё-таки, мадемуазель, – снова кашлянул и подал голос Джанкарло, – Я смею думать, что Его величеству будет приятно получить коротенькую записку, написанную вашей рукой. Может быть вы пошлёте её как в прошлый раз? В корзинке вместе со сладостями? Так будет гораздо легче передать письмо. Я знаю способ, как подать эти сладости к столу короля.

– Корзинку? Ах, – немного удручённо спохватилась Олимпия. – Но ведь для этого нужно идти в кухню. А вдруг там матушка?

– А что такого? – теперь уже из чувства азарта подначивала сестру Мария. В глубине души она рассчитывала, что на кухне сестрице Олимпии, незаслуженно ошастливленной коро-

левским вниманием, тот час же достанется от матушки самое скучное и долгое задание. Вот пусть посидит целый вечер за разбором трав вместо того, чтобы отвлекать её от чтения книг беззаботной болтовнёй обо всём на свете и пересказом глупых слухов, которые циркулируют при дворе и в модных лавочках Марэ.

– Нет, на этот раз без корзинки, сударь, – Олимпия серьёзно посмотрела на чуть приоткрытую крышку секретера. – Я напишу записку. А вы её передадите. Можете воспользоваться услугами месье Бонтана. Он душка, он всё передаст. Просто шепните ему, что это послание для ко... для него. Лично от меня.

Не дожидаясь новых предложений от умницы Марии и сомнений, впрочем вполне обоснованных со стороны Джанкарло, Олимпия села на табурет, подвинула его к секретеру, запахнула крышку и повертела головой в поисках пера и писчей бумаги. Всего несколько минут и полдюжины скомканных листов бумаги потребовались для того, чтобы написать коротенькое письмецо в несколько строк.

– Возьмите, – запечатав записку с помощью капельки воска, которую она капнула от горящей свечи, Олимпия отдала её в руки Джанкарло, строго посмотрела ему прямо в глаза и прошептала: – Помните, эта записка должна попасть только в руки самого короля, сударь. Единственный человек, кому вы можете доверять во дворце – это месье Бонтан. Только он. Обещайте мне!

– Я даю слово чести, синьорина Олимпия, – поддавшись таинственности момента, также шёпотом ответил Джанкарло и, поклонившись, щёлкнул каблуками.

Глава 2. Вечер в отеле Бельер

Вечер. Отель Бельер на Королевской площади

Тихо потрескивали фитили свечей в золочёном канделябре, их огонь наполнил комнату приглушённым тёплым светом и заставил ожить причудливые картины пляшущих теней на стенах. Хозяин комнаты, маркиз дю Плесси-Бельер, сидел на корточках перед камином и ворошил тяжёлой кованой кочергой поленья, едва успевшие разгореться. Его гость, маркиз де Лозен, устроился в глубоком кресле напротив и, подперев щеку рукой, в молчаливой задумчивости наблюдал за пляской огня в камине. В свободной руке он держал свёрнутый вчетверо лист с письмом, изобиловавшим неопрятными помарками и пятнами жира.

– Вы говорите, что этому тавернщику можно доверять? С чего бы? – спросил де Лозен и принялся обмахиваться бумагой, но почувствовав невыветрившийся запах стряпни, прекратил это и отложил лист на стоявший рядом с его креслом стол, на котором красовался стеклянный графин с вином, корзинка с грушами и блюдо с сыром, поданные к лёгкому незатейливому ужину.

– Папаша Мекано достаточно хорошо знает публику у себя в таверне. Многие из завсегдатаев – люди сведущие. Каждый в своём деле. Они-то и приносят папаше самый ценный товар – сведения, – пояснил дю Плесси-Бельер и поворочил кочергой угли.

– Слухи, стало быть, – усмехнулся Лозен.

– Нет. По части слухов у меня имеются другие источники. Папаша Мекано снабжает меня настоящими сведениями. Они стоят куда дороже, поскольку известны лишь узкому кругу лиц.

– А! Значит, этот товар не проверишь? – поддел его де Лозен.

– Мой дорогой Антуан, если я говорю, что сведения стоящие, то так оно и есть. Согласитесь же, секрет, подлинность которого можно проверить у любого встречного, уже и не секрет вовсе.

Не реагируя на открытое недоверие со стороны де Лозена, в ту самую минуту дю Плесси-Бельер являл собой олицетворение стоика, терпеливо излагавшего свои мысли, продолжая методично ворошить угли в камине, переворачивая их, чтобы пламя разгорелось жарче.

– Из этой записки следует, что некто, чьё имя слишком громкое для подобной переписки, нанимает актёров из труппы всем известного театра на улице Пти-Бурбон. Ходят слухи также, что этот человек намерен устроить грандиозное представление в своём замке. Где-то в провинциальной глуши. И он созывает туда гостей из всех известных салонов Парижа, – де Лозен повторил по памяти почти всё содержание записки.

– Именно так, – подтвердил дю Плесси-Бельер и с улыбкой обернулся к нему. – Это хорошие новости, я полагаю.

– И значит, что тут нет ничего такого, что угрожало бы лично актёрам?

– Думаю, что здесь только два мотива, – Франсуа-Анри встал и поставил кочергу на подставку возле каминной решётки, с фантазией и вкусом выкованной из толстых железных прутьев. – Первый мотив здесь вполне очевиден. Этот человек желает устроить представление, которое прогремело бы на весь Париж, чтобы о нём заговорили даже за его пределами. Он жаждет славы.

– Ну, это понятно. А каков же второй мотив, по-вашему? – де Лозен подался вперёд, следя за маркизом, который расхаживал по комнате.

– Второй мотив скрыт, что естественно, ведь он гораздо важнее. Впрочем, о важности мы можем судить с разных точек зрения. Итак, второй мотив, – Франсуа-Анри остановился возле стола и снял высокий колпачок с графина. – Кто-то пожелал лишить мэтра Вителли заслуженных лавров директора самой известной профессиональной труппы в Париже. Только представьте себе, что по окончании Великого поста, в то время как во всех театрах будут идти

громкие премьеры, в театре Итальянской комедии не осталось достаточного количества актёров и актрис для новых постановок. Возможно, они смогут выкрутиться из этой ситуации, поставив что-нибудь из своего старого репертуара, может быть даже наймут актёров со стороны. Но репутация самой блистательной труппы будет потеряна навсегда.

– Чёрт, – пробормотал де Лозен, прикрыв лицо ладонью. – И кто же это? Всё тот же человек, чьё имя вы упорно избегаете называть?

– Вероятнее всего, что да. Это он. Мне кажется, что довольно логичным будет воспользоваться ситуацией и поймать в силки сразу двух зайцев, – ответил на это дю Плесси-Бельер, разливая вино в два высоких бокала тёмного синего стекла и подавая один из них де Лозену.

– Можем ли мы остановить этого человека? Помешать ему? – с неожиданным спокойствием спросил де Лозен и через вино в стакане посмотрел на оранжевые лучи клонившегося к закату солнца, которые пробивались сквозь молодую зелень в саду и неплотно задёрнутые гардины. – Или всё это сойдёт ему с рук?

– Возможно, – с долей сомнения отозвался Франсуа-Анри. – Возможно нам удастся помешать его планам. Но действовать нужно тонко. Так, чтобы скандал ненароком не вынудил стороны и вовсе свернуть все дела.

– А если поставить в известность двор? Короля? Кардинала? Королеву, наконец! Почему бы не рассказать им обо всём и не потребовать официального разбирательства? Ведь вы знаете, как и любой при дворе, что у каждого за душой найдётся хоть один, даже самый маленький грешок. Преступление, наконец! Если это тот человек, то уж он-то наверняка не безгрешен. Невозможно, вы слышите? Это просто невероятно оставаться незапятнанным, возведя своё положение и состояние до такой высоты!

Не прерывая потока рассуждений, дю Плесси-Бельер слушал, лишь скептически приподняв левую бровь. Его собеседнику было бы трудно распознать по выражению его лица, что именно он думал в ту самую минуту: была ли в его мыслях ирония по поводу всего происходящего и насколько серьёзно он воспринимал это?

– Я думаю что, если изменить что-либо уже поздно, то мы можем воспользоваться промахами нашего противника с пользой для дела и к всеобщему удовольствию. И не только, – произнёс Франсуа-Анри, смакуя вино маленькими глотками.

– Это как же? – де Лозен залпом осушил бокал и со стуком, пожалуй слишком резко, опустил его на стол.

– Можно надоумить короля и весь двор отправиться на это грандиозное представление, – улыбнулся дю Плесси-Бельер.

– Двор? Да какой же должен быть этот его особняк в глуши, чтобы вместить толпу придворных? И что же? Там что ли театр на сотни зрительских мест, в котором можно разместить всех гостей, по-вашему?

– Я полагаю, речь идёт далеко не о камерном представлении в гостиной или на лужайке, – спокойно ответил дю Плесси-Бельер. – Вам налить ещё, друг мой? – спросил он как бы между прочим. – Да, и я думаю, что там, где затеяли эту постановку, есть и театр, и сцена, достойная тех актрис, которых они уже переманили к себе. И даже место для музыкантов. Раз уж они похитили дирижёра труппы мэтра Вителли.

– Да ну? – недоверчиво протянул де Лозен, но тут же кивнул в ответ на предложение долить ещё вина.

– Так что, да. Места будет достаточно. Но вот в чём вопрос: готов ли этот человек принять весь двор и самого короля? И не на один день, а на два или три вечера кряду, – тут в синих глазах полковника блеснули весёлые огоньки.

– О, вот это коварство! – оценил его задумку де Лозен и даже привстал с кресла, чтобы взять вино из рук Франсуа-Анри.

– Да. Но оно всего лишь достойно нашего противника. Всё-таки это его, а не меня следует считать автором этой затеи, – иронично приподняв брови, ответил дю Плесси-Бельер, и по морщинкам, залегшим в уголках его губ, было заметно, что он не жаловал коварную сторону этого плана.

Царапающий стук в дверь оповестил молодых людей о необходимости прервать беседу.

– Месье маркиз, – шепнул мажордом, заглянув в чуть приоткрытую дверь.

– Я же просил не беспокоить нас, – скорее вопросительным тоном ответил ему Франсуа-Анри и сделал знак войти. – Что ещё?

– Письмо для вашей милости.

– Ещё? Давайте же его сюда! – дю Плесси-Бельер протянул руку, но мажордом остался за дверью, не спеша отдать письмо, и скосил недоверчивый взгляд в сторону де Лозена.

– Слуга, принеший письмо, ждёт вашего ответа, – шёпотом пояснил вышколенный слуга и наконец отдал письмо маркизу.

Вскинув брови в удивлении, тот одним небрежным движением руки вскрыл печать из красного сургуча и развернул сложенный вчетверо лист плотной бумаги. При чтении послания лицо маркиза несколько раз меняло своё выражение от весёлой ухмылки до недоумения и даже сомнения. Он перечитал письмо дважды, прежде чем снова обратить внимание на мажордома.

– Ответ ожидают на словах или также письмом? – спросил он, вчитываясь в последнюю строчку. – У нас остаётся не так уж много времени. Сказать точнее – у нас совсем нет времени.

– У нас? – переспросил де Лозен, и на его лице не осталось ни следа от вежливого безразличия.

– Да. Тут говорится о приглашении на большую репетицию. Это балет «Купидон или тщетные усилия любви». Вы наверняка тоже приглашены участвовать в этой постановке. Думаю, что вас ожидает такое же послание, Лозен. И вам предложат роль.

Лозен с удивлением уставился на друга – не шутил ли тот. Но дю Плесси-Бельер оставался бесстрастным и как будто успел позабыть о приглашении, увлекшись собственными мыслями.

– Так что же там насчёт роли-то? Кажется, что после успешного дебюта Виллеруа в роли Купидона, мне уже не достанется ничего интересного. Ну не Сатира же, в самом деле, танцевать.

– Его величеству требуются не только актёры, но и зрители, – пояснил свои последние слова Франсуа-Анри и, сложив лист вчетверо, спрятал его в шкатулке для бумаг.

– Ах вот оно что! – вздохнул с видимым облегчением де Лозен и потянулся. – Ну что же, коли так, то мне пора. Наверняка я застану на своей квартире такое же послание или что-то вроде того. Вряд ли оно будет запечатано красным сургучом, – он не скрывал, что догадался, от кого именно было письмо, которое передали дю Плесси-Бельеру. – Ну, разве что с припиской относительно того, сколько человек из гвардейской роты я могу взять с собой в качестве самых искренних и горячих поклонников юных танцовщиц кордебалета. Граф де Сент-Эньян обычно очень пунктуален по части организации подобных мероприятий и даёт весьма определённые указания.

– Да, внимание публики будет не лишним, – кивнул полковник и повернулся к двери. – Итак, передайте посланнику, что я и маркиз де Лозен будем в Лувре в назначенный час. И я выполню всё, что мне предложено сделать.

Де Лозен собрался уходить, и маркиз из деликатности не задерживал его дольше. Ведь он помнил какими переживаниями терзалась очаровательная молодая актриса в ожидании ново-

стей, а главное – своего пылкого любовника. В том, что побывав в своей квартире с тем, чтобы переодеться и проверить прибывшую почту, де Лозен отправится напрямик на улицу Пти-Бурбон – дю Плесси-Бельер нисколько не сомневался. А сам маркиз де Лозен, видя понимание на лице друга, не счёл необходимым опровергать или подтверждать его догадки. Получив почти исчерпывающие ответы на все свои вопросы и достаточно сведений для того, чтобы успокоить оставленную ими в состоянии, близком к панике, мадемуазель Стансу, он хотел успеть вернуться к ней в театр до наступления темноты.

– Не забудьте заглянуть и к мадам герцогине, – с улыбкой напомнил дю Плесси-Бельер, провожая маркиза к двери. – Она ждёт вас с новостями.

– Какими новостями? – Лозен не сразу понял, о чём шутил его друг, но заметив красноречивый жест барабанивших по дверному косяку пальцев, широко улыбнулся и кивнул. – Ах да! Ну конечно же! Я загляну к её светлости. Эй, любезный! – щелчком пальцев он подозвал дождавшегося в коридоре мажордома. – Передайте герцогине, что я желаю передать ей моё почтение.

– Сию минуту, ваша милость!

Когда шаги мажордома и де Лозена затихли на лестнице, Франсуа-Анри отошёл от двери и, заломив руки за голову, трижды пересёк комнату, расхаживая взад и вперёд. Он подошёл к венецианскому окну, выходящему во внутренний дворик особняка, где был посажен сад с небольшим лабиринтом из стриженных кустов самшита и жасмина. Всё это было скрыто от любопытных прохожих за кованой решёткой ограды и непроницаемой высокой стеной из аккуратно постриженных кустов боярышника.

Письмо, полученное им от Людовика, радовало заманчивым предвкушением весёлого розыгрыша, и в то же время озадачивало из-за необходимости сохранить всё в полной тайне. Из письма следовало, что у короля были собственные планы на репетицию, далёкие от того, что он намеревался представить почтенной публике. Кроме того, в его затее должны были принять участие не только дю Плесси-Бельер, но и ещё несколько лиц из близкого окружения Людовика, а это означало, что успех предприятия во многом зависел от каждого и, даже не от кого-то отдельно взятого, а от всех его друзей вместе.

Кроме самого письма с приглашением на репетицию, маркиз получил ещё и коротенькую записку от крёстной с просьбой навестить её в ближайшее время. Само по себе королевское приглашение послужило бы удобным поводом для того, чтобы появиться при дворе, но это привлекло бы к нему излишнее внимание. Франсуа-Анри решил не пользоваться им, ведь визит амбициозного молодого человека к пожилой придворной даме был более подходящим предложением. И самое главное, что со стороны это – и в самом деле – выглядело так, будто он визит с целью заручиться рекомендациями и ценными советами у опытной статс-дамы, не более того. Франсуа-Анри сразу же подумал, что именно благодаря везению или благоприятному стечению обстоятельств, он получил прекрасную возможность завуалировать задуманный королём розыгрыш. Все увидят то, что он явился во дворец к мадам де Ланнуа, а вовсе не к королю. Это плюс. Но как успеть проделать всё и успеть до начала репетиции? Это следовало обдумать. К тому же дорогая крёстная ждала его не столько ради того, чтобы занять свободный досуг пересказами придворных сплетен и новостей. Она ждала от него отчёта о расследовании того деликатного поручения, которое возложила на него от имени Анны Австрийской.

Франсуа-Анри не услышал, как в комнату вошла его мать – герцогиня де Руже. Она подошла к окну и встала рядом с ним.

– Вы кажетесь расстроенным в последнее время, мой дорогой.

– Вам это только кажется, матушка, – ответил он и прижал к губам ласкавшую его щёку ладонь матери.

– Ах Анрио, вам ещё многому нужно научиться. И прежде всего искусству маскировать переживания. Вы совсем не умеете скрывать их от женских глаз. А мы умеем быть проницательными, мой дорогой. Больше, чем вы себе представляете.

– Нет, матушка, я не умею притворяться, – согласился маркиз и задержал её ладонь чуть дольше возле своих губ. – Ваши глаза видят всё в моей душе. Это, несомненно.

– Так всё-таки что тревожит вас, Анрио? – спросила Сюзанна де Руже, заглядывая в глаза сына, – такие же синие, как у неё.

– Это связано с тем, что с некоторых пор я чувствую себя парией в обществе, – заговорил после некоторого молчания Франсуа-Анри, уловив в материнском взгляде лучики безотказной и безусловной любви.

– Как? Но отчего же? О нет, вам это только кажется, мой дорогой. А ну-ка! Расскажите мне всё, молодой человек. Кто это отказал вам в визите? Где вас не желают принимать? Это дама? – она покачала головой. – Или это всё из-за частых походов в театр Итальянской комедии? Да? Ведь я угадала? Так знайте же, мой дорогой, – это всего лишь ревность. Только она. И к сожалению, вам придётся проявить терпение, если уж вы пользуетесь успехом у дам. Все обожают вас, но и ревнуют вместе с тем. Мы, женщины, дорогой мой, такие же собственницы, как и вы, мужчины. Мы не любим, когда нас вынуждают делиться победами. И тем более, нашими сокровищами, – она лукаво улыбнулась. – Нашими трофеями.

Слова матери вызвали приятное тепло в душе маркиза, ему было лестно услышать это. И не просто от матери, которая любила его без памяти, а из уст самой Сюзанны де Руже маркизы де Брэ дю Плесси-Бельер, чьё мнение является непререкаемым и абсолютным в литературных кругах и в высшем обществе Парижа. И то обстоятельство, что она заблуждалась как в отношении его побед, так и о причинах его беспокойства, – было лестным для него. Ведь это означало одно: он всё-таки усвоил и весьма успешно главное правило успеха в обществе – не быть, а казаться!

– Да, кстати, матушка, до меня дошли слухи о празднике, готовящемся в одном из поместий нашего с вами общего друга, – как бы невзначай произнёс Франсуа-Анри, назвав их общим другом человека, которого в глубине души ненавидел до такой степени, что пожалел бы испачкать свою шпагу его кровью.

– Так вы о Никола Фуке, мой милый? – с чувством лёгкого подозрения спросила мадам де Руже.

– Конечно же. Именно о нём, – постаравшись придать своему голосу как можно больше легкомыслия, подтвердил маркиз.

– Так это же всем известные планы, – улыбнулась герцогиня, подразумевая, конечно же, узкий круг лиц из числа завсегдатаев её собственного салона, а также лиц, полезных виконту де Во в его финансовых и придворных делах.

– И что же это за праздник? Могу ли я рассчитывать на приглашение? Или всё это касается только круга избранных?

– А приглашения и не рассылались вовсе, – простодушно ответила мадам де Руже, не уловив подвоха в вопросах сына. – Это всего лишь маленький праздник в честь окончания Великого поста и только. Виконт соберёт гостей в своей новой резиденции.

– А, – коротко, как и следовало, чтобы показать, что не был удивлён или заинтересован, отозвался на это Франсуа-Анри, устремив взгляд в темнеющее небо.

– Я, конечно же, поговорю с виконтом. Напомню, чтобы он не забыл о приглашении лично для вас, мой дорогой. И если вы хотите встретить там кого-то определённого, – она улыбнулась, подумав о блестящей возможности представить сына семейству герцога д'Эсте, чьи супруга и две дочери давно и настойчиво выказывали интерес к молодому полковнику, прославившемуся в военной кампании своего отца, маршала де Руже.

– А кто ещё будет приглашён? Мне было бы приятно видеть не только этих подпевал из числа бумагомарак, – Франсуа-Анри ловко сыграл на увлечении матери изящными искусствами и, особенно, высокой поэзией. Прекрасно зная о покровительстве, которое Сюзанна де Руже оказывала молодым дарованиям из мира поэзии и драматургии, он попробовал разыграть простую комбинацию для претворения в жизнь собственного плана.

– Ну конечно же, туда придут и другие гости. Да вот те же герцоги де Наваиль и де Тремуйль. И я напомню виконту о том, чтобы он не забыл про маршала де Грамона и его сына, графа де Гиша. И про его дочь, конечно же. Катрин де Грамон – она такая душечка! Весьма одарённая и прекрасно воспитанная юная особа.

– Как, и де Грамоны будут приглашены? – приподнял бровь Франсуа-Анри. – Тогда, я предположу, что и маршал де Невиль не останется в стороне, не так ли? А как насчёт ещё одной персоны, – он с задумчивым видом посмотрел на кончики пальцев. – По идее, кто заполучит внимание юного короля, тот заручится и дружбой всей его свиты. Я бы поставил на Людовика. И на Филиппа также. Это беспроигрышный вариант, если вы понимаете, о чём я.

– Это не мне судить, – тон Сюзанны де Брэ вдруг похолодел. – Её величество наверняка будет возражать против того, чтобы её драгоценные чада покинули Париж на целых два дня.

– А празднества рассчитаны на так долго?

– Вообще-то на три дня.

– И гостей разместят в замке Во? Но это должен быть настоящий дворец. Там должно быть не менее двадцати, если не больше комнат с полагающейся мебелью и всеми требуемыми для комфортного ночлега удобствами.

– Эта или другая достаточно вместительная резиденция, – коротко ответила на это предположение о возможностях виконта де Во герцогиня и с лёгким недовольством поджала губы. – Я не знаю насчёт всего королевского двора, но для вас и для ваших друзей я непременно получу приглашения. И кого же конкретно вы желаете увидеть там? Ну же, мой милый, к чему скрывать? Это кто-то из дам? Она представлена ко двору? Или какая-нибудь очаровательная парижаночка? Ну же, мой дорогой, скажите же! Или это одна из примадонн Итальянской комедии? Ах милый Анрио, мне-то вы можете открыться без утайки.

– Я не знаю пока ещё, – на удивление изобразить простодушие ему удалось очень легко, и Франсуа-Анри не пришлось притворяться: ведь кроме одной юной особы, вот уже несколько месяцев никакая другая женщина не занимала его мысли.

Глава 3. Заручиться помощью крёстной

Утро. Лувр. Комната герцогини де Ланнуа

Лёгкая дремота, как обычно, захватила мадам де Ланнуа за вязанием. На этот раз в её руках был кружевной воротничок – часть праздничного облачения для отправления службы во время особо торжественной мессы во дворцовой часовне. Аббат Жослен был одним из самых частых гостей в уютной комнате герцогини. Он обожал лечебные отвары из ромашки с мятой, которыми его потчевала почтенная дама, помимо пышных плюшек, непременно украшавших собой столик у камина. За чашкой отвара святой отец любил поделиться рассуждениями о нравах и устоях, царивших при дворе, а более того, о новостях и самых свежих слухах, циркулировавших во дворце. Отвар ромашки был особенно хорош для печени отца Жослена, пошаливавшей вследствие излишеств и беспечного образа жизни в юные годы. Вот только пить этот отвар среди бела дня, тем более с утра, было чревато ввиду вызываемой им сонливости. Вот и опять, не сумев перебороть дремоту, окутавшую её после беседы с преподобным отцом Жосленом, мадам де Ланнуа уснула в своём кресле у камина с вязанием в руках. Она так и проспала бы до самого обеда, если бы верная камеристка не разбудила её, принеся на подносе бодрящий напиток из кофейных зёрен, который она приготовила для герцогини и для её следующего гостя, которого мадам ждала к полудню.

– И долго же я проспала, Мари? – спросила мадам де Ланнуа, тут же очнувшись от дрёмы, когда до её чуткого слуха донёсся тихий звон чашек и блюдец, расставляемых на столике.

– Всего-то с четверть часа, мадам. Я как раз успела заварить для вас кофейный напиток. Желаете добавить в него мёда для сладости?

– Нет. Но для маркиза, пожалуй, добавь. Две ложечки. Ему не нравится горечь кофе. Кстати, а он ещё не появлялся?

Мари сходила в соседнюю комнатку, где готовила отвар, и принесла маленькую глиняную баночку, перевязанную лентой.

– Нет, мадам. Маркиз ещё не появлялся. Хотя, может быть, он ждёт приглашения в приёмной? Мне посмотреть?

– Пожалуй, – кивнула мадам де Ланнуа. – Да, будь добра.

Осторожно, двумя пальцами она взяла горячую чашку и отпила небольшой глоток обжигающе-горячего напитка. Специи и травы, которыми был щедро приправлен кофейный напиток, тут же заставили сиять усталые глаза, ещё не утратившие блеска и живости. Мадам де Ланнуа улыбнулась, глядя на своё отражение в маленьком зеркальце, стоящем на узком столике у стены напротив.

– Он здесь, мадам! – Мари, сияя улыбкой, присела в коротком реверансе, прежде чем пропустить молодого человека, стоявшего на пороге. – Маркиз дю Плесси-Бельер, мадам!

Маркиз вошёл и, не останавливаясь на середине комнаты, как того требовали правила придворного этикета, сразу же подошёл к креслу герцогини.

– Моя дорогая крёстная! – он с улыбкой поклонился, чтобы почтительно поцеловать протянутую в приветственном жесте руку. – Я сразу же устремился к вам. Вот сразу же, как только получил вашу записку.

– Мой дорогой Франсуа-Анри, как же вы несносны! – мадам де Ланнуа укоризненно покачала головой. – Я только одно не пойму: вы сами-то верите в свою невинность, когда пытаетесь убедить меня? Да неужели вам потребовалось целое утро на то, чтобы примчаться с Королевской площади в Лувр? Если только вам не вздумалось прогуляться пешком, любуясь при этом садами и набережной? Ну будет, будет! Вы смущены, и этого достаточно. Не надо оправданий, мой дорогой. Присаживайтесь же, наконец. Вы уже завтракали? Надеюсь, что нет.

Улыбнувшись в ответ на упрёки, которые по большей мере были и в самом деле заслуженны им, маркиз воспользовался приглашением и сел в кресло напротив герцогини.

– Вы видите меня насквозь, дорогая крёстная, – тоном раскаявшегося семинариста и с сокрушённым видом произнёс Франсуа-Анри и взял чашку с горячим напитком из рук Мари, не преминув подмигнуть ей. Польщённая этим знаком внимания, девушка тут же расцвела в улыбке и чуть склонила хорошенькую головку в ответ на насмешливый прищур синих глаз.

– А вот вы явно недооцениваете мои скромные способности, мой дорогой Анрио, – мадам де Ланнуа заметила обращённый на её камеристку взгляд, и в уголках её губ залегли неглубокие морщинки снисходительной улыбки. – Но вы же неспроста не воспользовались моим приглашением, чтобы явиться во дворец тот час же, не так ли?

– Это гораздо вернее, чем вы думаете, мадам, – дю Плесси-Бельер попытался сделать первый глоток, но, обжегшись горячим паром, поморщился и вернул чашку на стол. – Дело в том, что сегодня у меня выдалось очень раннее утро, тётушка. Прежде, чем отправиться в Лувр, мне пришлось заехать в Марэ. Да, именно в Марэ. Мне понадобилась пара новых туфель для танцев. Так что ранним утром я навестил лавку лучшего мастера в Марэ, вместо того, чтобы дожидаться его у себя, как обычно к обеду. Туфли будут готовы уже к полудню. Мэтр Бальон клятвенно обещал, что их доставят не позднее, чем к обеду. Кстати, сюда. К вам. Надеюсь, вы отдадите распоряжение, чтобы туфли сразу же отнесли в покои Его величества? Для меня. Ну вот! Я исповедался и чист душой. Могу ли я теперь рассчитывать на ваше великодушие и прощение, мадам? – в синих глазах маркиза плескалось озорство и веселье. – После Марэ я отправился напрямик во дворец. И заметьте, сегодня я приехал через Парадный двор и, не скрываясь ни от кого, прошёл через Главный вестибюль. Мне важно, дорогая тётушка, чтобы о том, что я нанёс вам визит, должны узнать все любители дворцовых сплетен. Но только об этом. А на самом деле мне предстоит показаться кое-где ещё, но менее заметно. И если вам доведётся увидеть меня в необычном месте и, самое главное, – в неожиданной роли – я бы хотел, чтобы вы не узнали меня вовсе, дорогая тётушка.

– Боже, какая таинственность, – прошептала мадам де Ланнуа и отпила несколько глотков кряду.

– Это очень важно!

– Не сомневаюсь, что это так, дорогой мой. Но не могли бы вы пояснить, что именно от меня требуется? И кстати, я надеюсь, вы не забыли, что и от вас кое-чего ожидают. Ведь я позвала вас именно за тем. Известно ли вам что-нибудь ещё, кроме того, о чём уже говорят в Лувре и даже в парижских предместьях?

– О нет, как можно! Я не забыл про отчёт для её величества. Ведь вы же передадите королеве рассказ о моих похождениях? – Франсуа-Анри последовал примеру крёстной и неторопливо маленькими глотками принялся отпивать кофейный напиток из миниатюрной фарфоровой чашки.

– Не рассчитывайте на большую аудиторию, мой дорогой. О ваших подвигах будем знать только я и сама королева. И в крайне сжатом пересказе, – герцогиня с улыбкой погрозила пальчиком своему крестнику. – Если, конечно же, Её величество не пожелает услышать больше подробностей. Тогда вы можете рассчитывать на то, что я расскажу ей всё. Итак, маркиз! Что же вам удалось узнать о судьбе похищенных драгоценностей? И что известно о связи между грабителями и дворцовой прислугой? Удалось вам отследить хотя бы одну, даже самую незначительную ниточку, которая связывает грабителей с дворцом?

– Нет, тётушка, – маркиз не замедлил начать с ответов. – Насчёт связи грабителей с дворцом я пока ничего не выяснил. А вот о похищенных драгоценностях всплыло кое-что любопытное. Эти люди оказались куда умнее обычных парижских воришек. Видимо, они понимают, что первая же безделушка, которую они попытаются сбыть, продать то есть, наведёт на их след

комиссаров из Шатле. Любой торговец краденым перепродает эти сведения за куда более высокую и выгодную для него цену. Так что во всём Париже никто не слышал о драгоценностях из Лувра. И всё-таки я узнал, как они планируют сбывать добычу.

– И как же? – терпеливо выслушав это долгое вступление, спросила мадам де Ланнуа. Франсуа-Анри с довольным видом кивнул и, отпив ещё несколько глотков, перешёл к изложению добытых им сведений.

– Я выяснил, что существует некая договоренность между бандами парижских грабителей и торговцами. Эти торговцы весьма примечательный народ. Именно так – народ. Они из тех цыган, что промышляют мелочью, вроде дешёвых побрякушек, и кочуют из одного города в другой. Собственно под видом таких вот дешёвых бус – вроде чёток – они намерены вывезти из Парижа драгоценности, похищенные в Лувре.

Франсуа-Анри пошарил у себя за пазухой и достал свёрток из плотной замши. Он развернул его и поднял на свет нитку бус, похожих на те, которыми торгуют в ярмарочные и праздничные дни на Большом Рынке, что на Гревской площади, вместе амулетами, браслетиками и другими дешёвыми побрякушками.

– Но это же похоже на простые чётки! Что в них ценного? – воскликнула мадам де Ланнуа, разглядывая деревянные бусины длинного ряда чёток для молитв.

– Да. Именно так. И кто же заметит, что среди деревянных бусин затерялось несколько настоящих агатов? Ну как? А вот та подвеска – обратите-ка на неё внимание! – и он протянул нитку крестной, указывая на три бусины, висевшие в самом низу рядом с подвеской. – Мутные камешки вроде бутылочного стекла. А вот теперь, если потереть их замшей, да хоть бы и перчаткой, то вы увидите, какой глубокий цвет может быть у настоящих рубинов.

– Боже мой, – прошептала герцогиня. – Это же рубины и агаты с пропавшего ожерелья, о котором говорила мадам де Навайль!

– Но не всё ожерелье целиком. Увы! На этой нитке бус всего несколько камней из пропавшего ожерелья. Остальные, по-видимому, были распределены в таких же бусах, – ответил маркиз и наконец вернулся к своему напитку, который успел остыть настолько, что его можно было выпить в несколько глотков, не опасаясь обжечь гортань.

– Так. Получается, что вам удалось проследить судьбу пропавших драгоценностей? Я могу доложить об этом королеве, не так ли, мой дорогой? – уточнила после короткой паузы мадам де Ланнуа, чтобы не выдавать желаемое за действительное. – И это только малая часть из всего?

Маркиз промолчал, ожидая пока Мари заберёт его чашку, а также и чашку своей госпожи. Она вышла всего на минуту в соседнюю комнату и вскоре вернулась с подносом, на котором красовался графин с вином, два невысоких бокала и скромный завтрак.

– Благодарю вас, – одарив девушку очаровательной улыбкой, маркиз поднялся и сам разлил вино по бокалам. Когда девушка, польщённая его вниманием, присела в реверансе и вышла, он протянул один из бокалов герцогине и, вернувшись в своё кресло, заговорил. – Да, мне известно, куда попадёт часть награбленного добра после того, как его вывезут из Парижа. В провинции есть местечко – один из старых заброшенных замков. В его подвалах находится нечто вроде хранилища. Там-то цыгане хранят всё скупленное в Париже украденное добро. Я думаю, что сами хозяева замка ничего не знают об этом тайнике. Возможно, что они из тех мятежников, которым пришлось бежать из страны после разгрома Фронды. А этот так называемый общий тайник и есть казна преступных банд, если так можно назвать его, он так и остался там же.

– Да, и это не королевская казна, я так полагаю, – произнесла мадам де Ланнуа, отпив маленький глоток из бокала.

– Не государственная казна – уж точно, – усмехнулся маркиз. – Её контролирует совет парижского воровского братства. Каждая банда в Париже и в предместьях обязана вносить в неё часть своей добычи. Это вроде налога.

– И кто может воспользоваться всем этим богатством?

– Никто. Эта казна, насколько я знаю, является залогом. Я имею в виду залогом союза, заключённого между бандами.

– Боже, как же всё сложно в этом мире! Даже у воров, – герцогиня с иронией подняла свой взор к потолку. – Хорошо, что эти люди не суют свои носы в политику.

– Как знать, – возразил маркиз, отпивая вино. – Они могут использовать эти богатства для подкупа. К примеру, купить голоса судей в Парижском парламенте или внимание стражей в одной из тюрем.

– Боже правый, – герцогиня перекрестилась и недоверчиво посмотрела на крестника. – Вы не шутите, мой дорогой?

– Нет. Не совсем. И я работаю над тем, чтобы разоблачить эти банды. Но прежде всего нужно отыскать то место, где находится их тайник, – со всей серьёзностью ответил ей Франсуа-Анри. – А заодно выяснить, с кем они связаны.

– В этой истории могут быть замешаны люди короны? – настороженно спросила мадам де Ланнуа.

– И да и нет. Быть может, что эти люди прибегают не только к подкупу, но не гнушаются и шантажом. Взять к примеру того молодого человека – лакея, которого нашли забитым до смерти в потайном коридоре.

– Ах да! Господь да упокоит душу несчастного! – прошептала мадам де Ланнуа и перекрестилась. – Его могли бы спасти. Если бы только они знали, какая опасность грозила ему.

– Увы, – произнёс Франсуа-Анри и с сожалением посмотрел на опечаленное лицо крёстной. – Кто мог подумать, что злодей будет готов на убийство своего подельника, лишь бы вырваться из ловушки? Скорее всего, убитый был из тех сообщников, кого шантажом заставили помочь вору проникнуть во дворец с целью кражи. И как только эти негодяи заподозрили неладное, то избавились от него без колебаний.

– Как это ужасно. Скажите, мой дорогой, вы ведь не рискуете собой ради того, чтобы добыть эти сведения? Эти бусы, как они попали к вам? Вам ничто не грозит?

– О, мадам, – с лёгкой иронией произнёс Франсуа-Анри. – Когда я отправляюсь в Италию, где меня могут убить, если не по пути, то в сражении – вы благословляете меня в путь, нисколько не сомневаясь. А это, – он допил вино. – Я всего лишь порасспросил тут и там, сопоставил все полученные факты. И вот теперь...

– И теперь вы всего лишь знаете несколько больше, чем все комиссары Шатле и Консьержери. Все, вместе взятые, – с такой же иронией в голосе закончила за него мадам де Ланнуа.

– Но ведь негодяи не догадываются об этом, – возразил Франсуа-Анри, стараясь выглядеть как можно беспечнее.

– Я хочу поговорить с королевой о вас. Вам могут пожаловать придворную должность, мой дорогой. Таким образом у вас будет постоянный доступ в королевский дворец. И надёжная охрана.

– Надёжная шпага и крепкая рука оградят меня от любого нападения, – обиженным тоном ответил дю Плесси-Бельер.

– Несомненно. Но что там у вас о другом вопросе, – мадам де Ланнуа решила перевести тему беседы. – Удалось вам выяснить, кто ещё во дворце связан с похищениями? И не связано ли всё это с теми странными происшествиями с часами?

– На второй вопрос я могу ответить сразу же – нет.

Маркиз поднялся и зашагал по комнате, изредка бросая взгляд на часы, украшавшие каминную полку.

– Вы твёрдо уверены в этом? – положив к себе на колени корзинку с вязанием, спросила мадам де Ланнуа.

– Пока есть только предположение о том, кто может стоять за этими шутками с часами. Они связаны со старыми рассказами, слухами о былых временах. Но отнюдь не с кражами.

– И вы не хотите рассказать мне о своих предположениях? Я правильно вас поняла? – мадам де Ланнуа терпеливо продолжала расспросы, поглядывая поверх вязания на то, как Франсуа-Анри отмерял шаг за шагом весь периметр комнаты, казавшейся от того чрезвычайно узкой и тесной.

– Дело в том, что это может касаться некоторых лиц, близких ко двору. Даже это я могу сказать под строжайшим секретом, дорогая крёстная.

– У вас есть конкретные подозрения, Франсуа-Анри? – мадам де Ланнуа строго посмотрела на маркиза, когда тот остановился посреди комнаты. – Вы же знаете, что мне вы можете рассказать обо всём. В этой комнате о ваших подозрениях услышу только я.

– И всё-таки, пока что я не могу сказать больше. Дело в том, что это не только мой личный секрет, дорогая тётушка, – избегая проницательного взгляда крёстной, ответил дю Плесси-Бельер.

– Значит, всё это и в самом деле слишком близко ко двору, – задумчиво произнесла мадам де Ланнуа. – Да, пожалуй, будет лучше оставить этот вопрос до поры до времени. Но скажите мне, дорогой Анри: есть ли хоть малая надежда на то, что это закончится тихо? Без скандала, я имею в виду.

– Да. Есть, – немного подумав, ответил маркиз.

Герцогиня вздохнула и улыбнулась. Она уже догадывалась о том, насколько высоко тянулись ниточки происшествий с часами, и тоже считала, что произнесённые даже вполголоса и наедине подозрения могли бесповоротно разрушить чью-то репутацию, а может – саму жизнь.

– А что же ваша просьба ко мне, дорогой мой? Ведь не ради завтрака с кофейным напитком вы заглянули ко мне вместо того срочного дела, которое заставило вас отправиться в Марэ лично?

– Да. Хотя должен признаться – этот напиток изрядно бодрит меня. И ради него я бы заглядывал к вам по утрам чаще, – ответил с улыбкой Франсуа-Анри и вернулся к своему креслу. Но вместо того, чтобы сесть, он встал за спинкой кресла и опёрся на неё обеими руками.

– Итак мой дорогой? – мадам де Ланнуа снова оторвалась от вязания и устремила на него вопросительный взгляд.

– Сегодня мне предстоит сыграть одну роль, – заговорил он, напустив на себя таинственный вид.

– Как! Вас тоже пригласили танцевать в королевском балете? – удивление мадам де Ланнуа было неподдельным. – А когда же вы успеете разучить роль? Большая репетиция назначена на сегодня. После трёх часов, если я не ошибаюсь.

– Я совершенно ничего не знаю о сюжете, а о своей роли и подавно. Маэстро Люлли продемонстрирует для меня примерный рисунок танца в моей партии. Он объяснит мне основу сюжета. А моя партнёрша в дуэте, несомненно, поддержит меня на сцене, – дю Плесси-Бельер не удержался от лукавой улыбки. – Как если бы это был не я сам, а король!

– И кто же эта особа? – в прищуренных глазах герцогини блеснул интерес.

– Мадемуазель Манчини, – коротко ответил маркиз, с улыбкой предвкушения в прищуренных глазах.

– Которая? Подождите, Олимпия танцует с королём. Значит, это Мария? Или самая младшая – Органс? О нет, они слишком юны, чтобы участвовать в придворном балете. Но которая же из них?

– Олимпия, – маркиз произнёс это имя с коротким вздохом, не сумев подавить тёплое чувство, которое испытывал к ней.

– Вот как? – имя девушки или то, как оно было произнесено, но что-то явно ошеломило герцогиню, однако, в отличие от своего собеседника, она прекрасно владела собой и всего лишь уточнила:

– Но разве это не она танцует в дуэте с Его величеством? Что-то произошло между ними? Неужели размолвка? Ох уж эти дети! Хотя они пережили столько всего – эти потрясения из-за мятежей, Фронды. Может быть, мы просто не заметили, когда все они успели повзрослеть.

– Нет, это не из-за размолвки, – как-то слишком резко, чтобы казаться незаинтересованным, возразил Франсуа-Анри. – Замена. Ведь это так называется, когда один танцор выступает вместо другого?

– Да, это так, – мадам де Ланнуа внимательно посмотрела на маркиза. Тот продолжал стоять за спинкой кресла, но опустил голову и спрятал её в ладонях, как будто скрываясь от строгого и пронизательного взгляда.

– Ну вот. Так и есть, – проговорил он сквозь ладони. – Только об этой замене никто не должен догадаться. Никто. Ни на сцене, ни в зрительном зале.

– Но, мой дорогой, вас же узнают, стоит вам только выйти на сцену, – вполне резонно заметила герцогиня.

– Да. Но если я буду в костюме, в парике, в короне из перьев, да ещё и с густым слоем белил на лице, то меня вряд ли узнают.

– Всё может быть. Вы почти одного роста с Его величеством. И схожего телосложения. Пожалуй, всё может получиться, – уже с меньшим сомнением проговорила герцогиня. – И всё же, король – танцор. А ваш опыт, мой дорогой, ограничен всего лишь участием в кордебалете. Уж извините, но мне кажется, что по части танцев вы не слишком преуспели. Пока ещё.

– Это справедливо, дорогая крёстная, – усмехнулся в ладони Франсуа-Анри. – Вот тут я и рассчитываю на помощь мадемуазель Манчини. Она возьмёт на себя основные движения в нашем дуэте. Зрители могут предположить, что у короля вывихнута лодыжка или растяжение. Да мало ли что случается на репетициях и на уроках танцев. Я буду выглядеть вполне убедительно.

– Но чем же я могу помочь вам в этом спектакле? – спросила герцогиня, вглядываясь в лицо маркиза в попытке отыскать его глаза в тени густых волос, упавших на лоб.

– Вы можете сделать очень многое, тётушка. Например, как бы исподволь шепните королеве что-нибудь вроде того: «Как хорош Его величество в сценическом костюме!» Тогда и сама королева согласится с вами. А последовав её примеру – и все остальные зрители увидят под гримом, париком и экзотической короной из перьев именно Людовика, а не меня. Вовремя обронённая фраза; нечаянно пересказанный слух о незначительном растяжении лодыжки; замечание о лёгкой хромоте в походке короля – всё это поможет создать необходимое впечатление.

– Ох и выдумщик же вы! – усмехнулась герцогиня и покачала головой. – Это слишком похоже на заговор.

– А это вовсе не мои идеи, дорогая тётушка, – маркиз поднял голову и наконец улыбнулся. – Всё это придумал король. В этой истории я всего лишь исполнитель.

– И ваша роль, как я понимаю, не главная? Но зачем всё это понадобилось? – рассуждения мадам де Ланнуа прозвучали, скорее, как вопросы, но в её улыбке уже не было и тени упрёка.

– Мне кажется, что это будет нечто вроде дымовой завесы. Это нужно затем, чтобы во время репетиции разрешить проблему с часами. Возможно для того, чтобы устроить

ловушку для вора. Но так, чтобы в случае, если подозрения короля подтвердятся, у него была бы возможность уберечь виновного от скандала.

– И это так необходимо Его величеству?

– Абсолютно, – коротко ответил маркиз и бросил взгляд в сторону часов.

– То есть, – совсем тихо проговорила герцогиня. – Людовик уже догадался о том, кто замешан в этом деле?

– Возможно. Но боги, боги! Мне пора, мадам! Необходимо получить инструкции на уроке танцев у самого маэстро Люлли. А потом я должен успеть переодеться и загримироваться в покоях короля. Я рад, милая тётушка, что мне удалось заручиться вашей помощью! А теперь не позволите ли вы воспользоваться вон той дверцей за гобеленом? Той, с помощью которой можно пройти в потайной коридор и попасть в покои королевы.

– Ах Анриу, я бы хотела, чтобы вы никогда не знали об этих злосчастных коридорах. Если бы вы только догадывались, – мадам де Ланнуа подошла к старинному гобелену, украшавшему стену за изголовьем её постели. – Я со спокойной душой отправляю вас в Италию, потому что враги на дорогах и в сражениях – они перед вами. Вы знаете кто они, откуда ждать удар. А тут. Боже мой, ведь в этих коридорах с вами может произойти всё что угодно!

– Только не со мной, – с легкомысленной улыбкой ответил маркиз и поцеловал крёстную в щёку. – Вы же знаете, что я не погибну, пока не отыщу своё настоящее счастье. Мне это сама Чарелла предсказала! Но увы, это событие случится со мной ещё нескоро. А может быть, и вовсе никогда!

– Лучше бы так. Как бы я хотела, чтобы всё было иначе. Эти предсказания! Можете верить им. Но не доверяйте свою судьбу пустым обещаниям. И к тому же, счастье эфемерно, мой дорогой. Лучше живите свободным вовсе без него. И благослови вас бог, – герцогиня перекрестила его на дорогу и отперла потайную дверь.

– До встречи! – прежде чем скрыться в коридоре, Франсуа-Анри зажёл огарок свечи, которым снабдила его крёстная. – И не забудьте про мои туфли, прошу вас! Пришлите их с кем-нибудь, кому вы доверяете, в покои короля, – напомнил он напоследок.

Глава 4. Урок танца у маэстро

Утро. Лувр. Репетиционный зал маэстро Люлли

Сердце Франсуа-Анри было переполнено смешанными чувствами: от волнения и озорного веселья до предвкушения фурора, который произведёт на зрителей их дерзкий розыгрыш. К этому всему примешивался азарт охоты на невидимого противника, и, в то же время, беспокойство от того, что правила этой охоты были навязаны им, и каждый раз приходилось подстраиваться под уже сложившуюся ситуацию. Поглощённый мыслями о своей роли в репетиции балета, особенно тем, как неожиданно ему выпал шанс танцевать в дуэте с Олимпией Манчини, маркиз стремительно шагал по узкому коридору и почти бегом достиг самого его конца. Через узкую дверцу, скрытую в углублении фальшивого окна в одной из чудом сохранившихся старинных башенок Восточного крыла, он вышел на винтовую лестницу. Гладко отполированные каменные перила и ступеньки, по которым за несколько столетий поднимались тысячи пар ног, вели наверх до самого чердака и выхода на крышу. Тесные лестничные пролёты были достаточно хорошо освещены, благодаря похожим на бойницы высоким окнам с узкими стрельчатыми проёмами. И всё-таки из-за спешки маркиз умудрился несколько раз споткнуться и едва не расшиб колени о каменные ступеньки.

Ещё поднимаясь по лестнице, он слышал отголоски шума множества голосов, а выйдя в коридор третьего этажа, маркиз попал в самую гущу толпы разномастного народа. Там были музыканты – каждый со своим инструментом; строгие с виду писари; служители модных лавок, которые выделялись среди прочей прислуги своими пёстрыми ливреями. Особняком от всех держались посыльные на службе у знатных вельмож. Они горделиво выпячивали грудь, демонстрируя своё облачение: ливреи самых невероятных расцветок, некоторые даже с вышитыми на рукавах гербами знатных семей, которым они служили. Среди прочих можно было отметить и провинциалов-дворян в их аляповатой, хотя и добротной одежде, передаваемой по наследству из поколения в поколение, безнадежно устаревшего и вышедшего из моды покрою. Все они разделяли тесное пространство коридора, ожидая своей очереди: слуги, простолюдины наряду с вельможами. В этой пёстрой толпе людей дю Плесси-Бельер успел отметить лица, которые успел запомнить, бывая при дворе. Это был особый сорт людей – так называемые охотники за удачей. Они не упускали возможности как самим, так и для своих родственников принять участие в постановках придворных балетов хотя бы и в самых незначительных ролях. Естественно, не ради искусства, а с прямой выгодой для себя и своей семьи, чтобы добиться аудиенции у короля или у кого-нибудь из его приближённых – новоявленных светил королевского двора – кем являлся и маэстро Люлли. Впоследствии они с выгодой делились полученными благами и даже перепродавали своё место в постановке, устанавливая цену, которая многократно превышала плату за купленные ими места в очереди на приём у распорядителей балета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.